

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ»
ВОЛГОГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ЧЕЛОВЕК В СОЦИУМЕ: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Всероссийская научно-практическая конференция

16–17 мая 2019 г.

Волгоград 2019

УДК 159.964.2

ББК 88.3-95

Ч-39

Ответственные за выпуск:

кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии
Д. М. Зиновьева;

старший преподаватель кафедры психологии, заведующий кабинетом психологии
Е. В. Панкратова

Тексты статей печатаются в авторской редакции

Ч-39 **Человек в социуме: психоаналитический подход:** всероссийская научно-практическая конференция (2019; Волгоград): [тезисы докладов]; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: IBM PC с процессором 486; ОЗУ 64 Мб; CD-ROM дисковод; Adobe Reader 6.0. – Загл. с экрана.

В сборнике опубликованы материалы состоявшейся 16-17 мая 2019 года в Волгоградском институте управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ всероссийской научно-практической конференции «Человек в социуме: психоаналитический подход». Конференция организована кафедрой психологии совместно с Волгоградским отделением Европейской конфедерации психоаналитической психотерапии. Научные и научно-практические статьи авторов отражают актуальные психологические проблемы современного общества в контексте психодинамического подхода. Сборник предназначен для студентов, аспирантов, докторантов, преподавателей, психологов-практиков и всех интересующихся проблемами психологии, психоанализа, психотерапии других видов деятельности.

ISBN 978-5-7786-0777-4

© Волгоградский институт управления –
филиал РАНХиГС, 2019

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы

Российское отделение Европейской Конфедерации
Психоаналитической Психотерапии

Оргкомитет конференции:

Зиновьева – председатель оргкомитета конференции, доцент
Дина Муратовна

Решетников – председатель научного комитета конференции,
Михаил Михайлович профессор

Козлова – председатель локального комитета конференции
Екатерина Васильевна

Научный комитет:

Решетников Михаил Михайлович
Зиновьева Дина Муратовна
Панкратова Елена Валентиновна
Хачатрян Ани Юриковна

Локальный комитет:

Козлова Екатерина Васильевна
Бутенко Анна Викторовна
Шабанова Марина Анатольевна
Савва Наталия Викторовна

СОДЕРЖАНИЕ

Бутенко А.В. ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ДЕТСКУЮ ЛОЖЬ	6
Зиновьева Д.М. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД	15
Золотарева И.Д. УЧАСТВУЮЩИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ. ПОЗИЦИЯ ПСИХОАНАЛИТИКА В РЕЛЯЦИОННОМ ПОДХОДЕ.....	25
Каргальцев Д.А. ТРАВМА, ДИССОЦИАЦИЯ И РАЗЫГРЫВАНИЕ	30
Куратов А.Д. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ЯЗЫК ПСИХОАНАЛИЗА	34
Левчук А.В. РЕЛЯЦИОННЫЙ ПОВОРОТ В ПСИХОАНАЛИЗЕ: ПСИХОЛОГИЯ ДВУХ ЛЮДЕЙ	40
Малявина С.С. ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХИКИ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИИ: НАПРАВЛЕНИЯ И ПОДХОДЫ	45
Миронова С.М. ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ МОДЕЛЕЙ ПОВЕДЕНИЯ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ	49
Никифоров Т.И. ЭЛЕМЕНТЫ ПРОСТРАНСТВА «ЗЕЛЕНОГО ДОМА» Ф. ДОЛЬТО В РАБОТЕ РАННЕЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ С ОВЗ	54
Нуртдинов М.А. МАСТУРБАЦИОННЫЕ ФАНТАЗИИ И ИХ РОЛЬ В ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ	59
Орехова Е.А. СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЧНОСТИ. ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД	64

Павлоцкая Я.И. ВОСПРИЯТИЕ ДРУГОГО И ТИП ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ.....	69
Данакари Л.Р., Юнда А.В. ПОДДЕРЖАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СОВРЕМЕННЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ.....	77
Рывкин С.Ю. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПСИХОЛОГОВ В РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИИ	83
Савва Н.В. ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РАССТРОЙСТВ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	89
Толкачева О.Н. СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ТРАВМЫ.....	99
Хрипунова С.В. ПСИХОТРАВМА: ПОНЯТИЕ И СПОСОБЫ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ...	104
Шабанова М.А. «РАЗГОВОР С МИРОМ» ЧЕРЕЗ РИСУНКИ НА ТЕЛЕ: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД.....	109
Козлова Е.В. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ	119

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ДЕТСКУЮ ЛОЖЬ

Бутенко А.В.

Психолог-психоаналитик,
педагог-психолог МОУ Лицей № 5 им. Ю.А. Гагарина
член правления РО ЕКПП-Россия, г. Волгоград

Аннотация. Целью настоящей статьи является рассмотрение феномена детской лжи через призму психоаналитических понятий, постараемся подробно разобрать бессознательные мотивы, использования детьми и подростками лжи в общении с взрослыми, значимыми Другими. А также, проведем анализ существующей связи между фазами психосексуального становления личности ребенка и использования им лжи в эти периоды.

Ключевые слова: ложь, детская ложь, границы безопасности, инфантильные конфликты.

Abstract. The purpose of this article is to consider the phenomenon of children's lies through the prism of psychoanalytic concepts, we will try to analyze in detail the unconscious motives, the use of children and adolescents lies in communication with adults, significant Others. And also, we will analyze the existing relationship between the phases of psychosexual formation of the child's personality and the use of lies in these periods.

Key words: lies, children's lies, borders of security, infantile conflicts.

Мы привыкли говорить о лжи как о сознательном акте. Многие специалисты в области психологии и педагогики считают, что использование лжи всегда происходит осознанно. Каждый человек, ребенок ли, взрослый, произнося ложь, знает причины или мотивы, которые его толкают на это. И не будем отрицать, что любая ложь всегда направлена на другого человека. Поэтому ее главной характеристикой является функция коммуникации.

Психоанализ дает возможность рассмотреть феномен детской лжи как бессознательный акт коммуникации. Многие известные психоаналитики рассматривали феномен детской лжи в своих работах: З. Фрейд, Ф. Дольто, Д. Винникотт, Р. Брюнsvик, Б. Дипольд, А. Фрейд. Каждый из них по-своему описывал бессознательные мотивы, которые толкают детей к использованию лжи. Но все говорят о детской лжи как о характеристике бессознательного конфликта в разные фазы психосексуального становления личности ребенка. И именно ложь в детстве может помочь нам увидеть этот конфликт. И отреагировать его должным образом, значит помочь ребенку в будущем избежать болезни (дезадаптации, невроза).

Часто, как пишет Ф. Дольто, для ребенка ложь – это не есть не правда [6]. В определенном возрасте или, как пишет З. Фрейд, на определенных фазах психосексуального становления психики ребенок еще не знает критерия правды. Так же, ребенок не может в силу своего возраста, со слов Ф. Дольто, «действовать и чувствовать себя одновременно» [6, с. 233]. Поэтому он использует ложь, чтобы в данный момент ощутить существующим то, что явно отсутствует. И тогда, для ребенка воображаемое, ложное становится в этот период правдой. Ложь становится правдой только когда на тебя смотрит и слушает Другой. Ф. Дольто пишет о детской лжи: «во лжи есть связь себя с миром» [6, с. 233]. А. Фрейд описывает детские фантазии, которые помогают слабому, неразвитому и зависимому Я защититься от «объективного неудовольствия и грозящих опасностях» [12]. Другими словами, можно считать детскую ложь – механизмом защиты детского Я, который помогает преодолевать объектное неудовольствие (А. Фрейд). Но А. Фрейд подчеркивает, что фантазии или мечты, которые в детском возрасте помогают справиться с объектным неудовольствием и считается нормальным, во взрослом возрасте указывают на «развитую стадию психического заболевания»

Основоположник психоанализа Фрейд З. утверждает, что часто детская ложь имеет своими мотивами бессознательные желания. Он предупреждает взрослых

о серьезных последствиях в будущем при наказании детей за их часто бессознательную ложь. В своей работе «Из жизни детской души. Два случая детской лжи» Фрейд З. описывает последствия, к которым привели наказания детей за ложь от любимого родителя [16] и иллюстрирует негативное разрешение «Эдипова комплекса». Основная задача этого комплекса состоит в формировании чувства вины, которое возникает на запрет инцестуозной любви к родителю противоположного пола. Другими словами, З. Фрейд говорит о том, что ребенок в возрасте 3–6-ти лет испытывает гамму противоречивых чувств к родителям. С одной стороны, он хочет всецело обладать родителем противоположного пола нежно его любя, с другой стороны, испытывает противоречивые чувства к родителю того же пола, что и ребенок: люблю и ненавижу одновременно. При положительном завершении «Эдипова комплекса», по словам З. Фрейда, у ребенка формируется чувство вины по отношению к родителю своего пола.

Ф. Дольто расширила представления «Эдипова комплекса», предложенного З. Фрейдом. Она утверждает, что мальчик и девочка проходят этот комплекс по-разному. Если для мальчика положительное разрешение Эдипова комплекса происходит в последующей идентификации с сильным, могущественным отцом. То девочка должна идентифицироваться с матерью. Ф. Дольто пишет: через «желание нравиться, которое приносит ее самолюбию удовлетворения и позволяет отказать от фаллических прерогатив, примиряет ее в то же время с мужским полом» девочка сумеет воспользоваться силой мальчиков и пап и завоюет их восхищение [7, с. 99].

Девочки 3–6-ти лет нуждаются в нежном отношении к себе со стороны отца. Таким образом, они чувствуют себя защищенными силой, которой нет у матери.

Другими словами, ложь помогает ребенку отождествить себя с любимым человеком. Понимание родителей этого факта может уберечь от грубых ошибок в воспитании детей. Наказание в детстве за ложь может иметь очень горькие последствия и являться причиной болезни в будущем. Часто сами взрослые, не понимая бессознательных мотивов детской лжи, своим поведением могут нарушить

благополучное, естественное развитие ребенка.

Важно помнить, когда в семье царит доверие, отношение между детьми и родителями искренние, тогда ребенок, который находится на фаллической стадии развития, совершив неблагоприятный поступок, выберет ложь. И эта ложь будет оправданием себя перед значимыми взрослыми по причине страха потерять их любовь. Ребенку будет казаться, что его идеальные родители не смогут продолжать любить его, такого несовершенного. И самым верным способом в этой ситуации является ложь, которая поможет ребенку уберечь себя от саморазрушения, позволит поддерживать свою нарциссическую часть личности.

Немецкий психоаналитик Барбара Дипольд в своей статье «Об игровом пространстве между нарциссизмом и динамикой инстинктов» описывает, как необходимо в терапевтической работе с детьми восстановить разрушенный баланс между нарциссизмом и динамикой влечений. Автор описывает развитие ребенка как непрерывное взаимодействие влечений и нарциссических фантазий. В момент фрустрации влечений ребенок компенсирует это своей нарциссической фантазией. Б. Дипольд приводит пример истории мальчика по имени Макс из книги «Там, где живут дикари» М. Сендака (1967 г.). Б. Дипольд утверждает, что ребенку необходимо фантазировать, чтобы перерабатывать конфликты влечений с родителями. А правильное поведение родителей поможет ребенку безопасно вернуться в реальность. Следовательно, бессознательная детская ложь выполняет ту же функцию фантазии, а именно восстанавливает нарциссические потребности ребенка.

Ещё одной важной причиной использования детьми лжи является попытка сделать первый шаг к обеспечению неприкосновенности своей личности. Или как пишет Поль Экман, существует ложь, как «способ формирования собственной идентичности» [17].

Психолог Майкл Ф. Хойт пишет: «Когда ребенку в первый раз удалось соврать, это разрушает родительское всемогущество, т.е. ребенок начинает осозна-

вать, что и он наделен собственным разумом и волей, что и у него есть своя внутренняя жизнь, скрытая от взрослых» [17, с. 134].

В своей книге «Лгуны или фантазеры. Правда о детской лжи.» П. Экман рассказывает, как его сын Том без разрешения устроил вечеринку с друзьями в их доме [17]. Автор утверждает, что сокрытие правды – эта та же ложь. Том специально ничего не сказал родителям про вечеринку, чтобы не получить отказа от них, а в дальнейшем не стал рассказывать о содеянном, чтобы не быть наказанным. Но главным мотивом Тома было – показать друзьям свою самостоятельность, самоутвердиться в их глазах. Другими словами, подросток намеренно нарушил правила и ограничения взрослых, чтобы почувствовать свою свободу от родителей.

Д. Винникотт пишет, как подростки своим поведением проверяют границы безопасности в семье. Нарушая установленные семьей правила, ограничения и требования, дети, тем самым, хотят убедиться в надежности своих родителей. И каким бы небезопасным был внешний мир, безопасность они всегда должны чувствовать в семье. Таким образом, подростки подтверждают свою веру в заботу своих родителей.

Британский психоаналитик Уильфред Рупрехт Бион, последователь Мелани Кляйн сделал выдающиеся открытия, которые получили своё развитие и применение, как в теории, так и в практике современного психоанализа.

В работе «Научение через опыт переживания» У. Бион опирается на труды двух выдающихся аналитиков: З. Фрейда «Положение о двух принципах функционирования психики» и М. Кляйн «Заметки о некоторых шизоидных механизмах». Выделяя основные положения авторов, У. Бион развивает и «исправляет» их, тем самым создавая собственные открытия.

Одним из таких открытий является новый взгляд на ранний механизм защиты, описанный М. Кляйн, проективную идентификацию. М. Кляйн рассматривает проективную идентификацию как защиту младенцем своего Эго от невы-

носимой тревоги. Этот механизм осуществляется посредством действия «всемогущей фантазии о возможности отколоть временно нежелательные (хотя иногда и значимые) части личности и вложить их в объект» [1]. У. Бион, опираясь на свой клинический опыт, отмечает подобное поведение в реальности, а не только в инфантильной фантазии пациентов. В связи со своим наблюдением У. Бион «предложил исправить фрейдовскую теорию принципа удовольствия и рассматривать принцип реальности как действующий и существующий наряду с принципом удовольствия» [1].

Углубляясь в рассмотрение процесса проективной идентификации, У. Бион делает очень важное открытие. Через сформированное им понятие «К-связь» автор описывает проективную идентификацию, как примитивную форму коммуникации. Это отражается, прежде всего, через взаимодействие между матерью и младенцем, которое открывает путь развитию мышления. Описывая процесс взаимодействия матери и ребенка, использующий проективную идентификацию, У. Бион вводит понятия: контейнера, контейнирования и контейнируемого, альфа – и бета – элементов, альфа – функции, экрана бета – элементов и др.

Процесс, позволяющий представить, каким образом ребенок пытается справиться с неуправляемыми чувствами, используя механизм проективной идентификации, У. Бион назвал «контейнированием». Ребенок, испытывающий страх перед неуправляемыми чувствами и неспособный в силу незрелости Эго контролировать их, «вкладывает» свой страх в мать как в контейнер. И если мать обладает способностью «контейнирования», то ребенок развивается естественно. Таким образом, по У. Биону, естественное развитие происходит при условии, что отношения между младенцем и грудью позволяют ему, спроецировав страх на мать, реинтроецировать его после пребывания у груди в виде, приемлемом для психики. Если мать не способна к выполнению «контейнирующей» функции, т.е. не способна принять проекцию, то страх реинтроецируется в значительной степени усилившимся, как безымянный ужас. Это соответствует описанной

М. Кляйн «чрезмерной» проективной идентификации, а по У. Биону – отсутствующей контейнирующей функции [1]. И то и другое приводит к нарушениям в развитии.

С этой точки зрения, можно утверждать, что, используя ложь в отношениях со значимыми взрослыми, родителями, подростки разрывают замки и вырываются наружу. Но так как их собственные чувства пока являются новыми и пугающими, они хотят ощущать наличие внешнего контроля со стороны родителей, той самой безопасности. И в тоже самое время вырваться из-под этого контроля, доказав себе свою самостоятельность, найти своё место в мире взрослых.

Подростковый возраст считается самым сложным в развитии личности. Многие подростки, не находя себя в реальном мире, прячутся в собственных фантазиях. Начинают рассказывать небылицы о себе, чтобы справиться с самой главной задачей – обрести самостоятельность. Этот период в развитии ребенка Ф. Дольто называет «крайней ранимостью». Она пишет, что взрослым необходимо поддерживать подростков на их пути личностного становления, поиска собственной уникальности. Ранимость подростков Ф. Дольто сравнивает со сменой панциря у раков или лангустов. При такой незащищенности любая рана, нанесенная кем-либо, сохранится на всю жизнь, а новый панцирь только скроет шрамы, но не излечит раны [8, с. 23].

Ф. Дольто говорит об использовании подростками лжи, которую она характеризует как «право сохранить свободу». Свобода для подростка, прежде всего ощущение своей независимости от взрослых. Это чувство, которое позволяет чувствовать себя уникальным. Таким образом, можно утверждать, что ложь играет важную роль в отделении подростка от своей семьи. Этот вид лжи скорее необходимо назвать сокрытием, необходимым для становления Субъекта.

В целом психоаналитики сходятся во взгляде на феномен детской лжи, как на защиту, используемую ребенком «исходно болезненных стимулов, которые внешний мир навязывает Я» [12].

Описывая свой взгляд на детскую ложь З. Фрейд говорит о бессознательной

инцестуозной любви к отцу девочкой, которая находится в своем психосексуальном развитии на фаллической фазе. Этот период еще называю Эдипальным. А. Фрейд рассматривает детские фантазии, которые описывает, как защиту Я от грозящих опасностей реального мира. Она приводит примеры своих маленьких пациентов, которым их фантазии помогают в прохождении Эдипова комплекса уберечь себя от страха к родителю. В фантазии мальчика о прирученном диком льве мы можем увидеть, как ребенок исполняет свои мечту об отнятии могущества и силы (в виде льва) у отца и обладании этой силой, т.е. превосходством перед отцом.

В латентной фазе психосексуального становления подросток чаще всего будет использовать ложь, чтобы защитить свою индивидуальность. Так как, навязчивое и очень активное участие взрослых в личной жизни подростка, воспринимается им, как покушение на его целостность.

Следовательно, рассматривая детскую ложь, как один из механизмов защиты незрелого Я, может помочь более глубоко разобраться в инфантильных конфликтах. Применительно к терапии поможет правильно организовать работу с детьми, которых мы называем лгунами.

Библиографический список

1. Бион, У.Р. Научение через опыт переживания / Пер. с англ. – М.: «Когито-Центр»,
2. Бион, У.Р. Элементы психоанализа / У. Р. Бион. – М.: Когито-Центр, 2009. – 127 с.
3. Винникотт Д.В. Ребенок, семья и внешний мир/ Пер. с английского – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015 – 256 стр.
4. Винникотт, Д.В., Семья и развитие личности. Мать и дитя / Д.В. Винникотт. – Екатеринбург: Изд-во «ЛИТУР», 2004. – 400 с.
5. Винникотт, Д.В. Разговор с родителями / Пер. с англ. М.Н. Почукаевой, В.В. Тимофеева. – М.: Независимая фирма «Класс». – 1995.
6. Дольто, Франсуаза. Собрание сочинений/ Пер. с фр. под науч. ред. С.Ф. Сироткина. – Ижевск: ERGO, 2006. Т. II: Психоанализ и воспитание (I) / Пер. с фр. – 2010. – XII, 384 с.

7. Дольто, Ф. На стороне ребенка. – 3-е изд./ Перевод с фр. Е.В. Баевской, О.В. Давтян; предисл. М.М. Безруких. – Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2015. – 717.
8. Дольто, Ф. На стороне подростка. – 2-е изд./ Перевод с фр. А.К. Борисовой; предисл. М.М. Безруких. – Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2016. – 423 с.
9. Дольто, Ф. Заповедный мир детства. Перевод с фр. М. Брусовани, Е. Баевской; предисл. О.Г. Варпаховской. – Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2015. – 640 с.
10. Кляйн, М. Развитие в психоанализе. – М., 2001.
11. Фрейд, А. Введение в детский психоанализ // Детская сексуальность и психоанализ детских неврозов. – СПб., 1997.
12. Фрейд, А. Психология «Я» и защитные механизмы. – М., 1993.
13. Фрейд, А. Теория и практика детского психоанализа: В 2 т. – М., 1999.
14. Фрейд, З. Анализ фобии пятилетнего мальчика // Основные психологические теории в психоанализе. – М., 1990.
15. Фрейд, З. Три очерка по теории сексуальности; Психология бессознательного [Текст] / З. Фрейд. – СПб.: Питер, 2002. – 390 с.
16. Фрейд, З. Из жизни детской души (Два случая детской лжи): Психология, издательство Попурри, год 1997.
17. Экман, Пол. Перевод: Чекчурина О., Книга: Лгуны или фантазеры. Правда о детской лжи, Жанр: психология, Издание: 2017 г.
18. Экман, Пол. Почему дети лгут? – Издательство Педагогика-Пресс, год 1993.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД¹

Зиновьева Д.М.

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы изучения, анализа и систематизации представлений о психологическом благополучии (ПВ) и его уровнях, моделях в контексте психоанализа. В результате серии эмпирических исследований и на основе корреляции, факторизации ПВ и показателей личностных характеристик. Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках выполнения научного проекта № 19-Субъектные и межличностные предикторы психологического благополучия».

Ключевые слова: благополучие, психологическое благополучие, эвдемония, интерперсональные отношения, психоанализ.

Abstract. The article discusses the study, analysis and systematization of ideas related to psychological well-being (PW) and its levels, models in the context of psychoanalysis. As a result of a series of empirical studies and on the basis of correlation, factorization of PW and indicators of personal characteristics. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, as part of the execution of the scientific project № 19-013-00401 «Subject and interpersonal predictors of psychological well-being».

Key words: well-being, psychological well-being, eudaimonia, interpersonal relationships, psychoanalysis.

Позитивная психология, основанная М. Селигманом, и развиваемая такими зарубежными исследователями как И. Бонивелл, Н. Брэдбурн, Э. Динер, К. Рифф и др., а также такими отечественными, как И.А. Джидарьян, Л.В. Куликов,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №19-013-00401 «Субъектные и межличностные предикторы психологического благополучия».

Д.А. Леонтьев, А.Е. Созонтов, П.П. Фесенко, Т.Д. Шевеленкова, Р.М. Шамионов, О.С. Ширяева и др., потенцирует психологические изыскания, направленные на поиск ресурсов человека, а не его психологических и психических изъянов. К. Рифф, анализируя работы К.Г. Юнга, Э. Эриксона, А. Маслоу, К. Роджерса, создает, на наш взгляд, наиболее комплексную и интегрированную модель из существующих в научной литературе моделей благополучия. Параметры психологического благополучия разработаны ею на основе отбора факторов и критериев позитивного функционирования личности из ключевых концептуальных подходов к личности. В модель вошли следующие компоненты: самопринятие, автономия, управление средой, личностный рост, позитивные отношения с окружающими, цели в жизни [2]. Синтезирующая сила и универсальность модели привела к большой ее популярности в мировом исследовательском поле [7]. Отметим, что модель К. Рифф относится к концептам этического эвдемонистического подхода к психологическим процессам, как процессам разворачивания возможностей и ресурсов человеческого индивида на основе сложного и противоречивого взаимодействия человека и мира, ведущим к его психологическому благополучию. Речь здесь идет о счастье быть человеком, реализующим свою самость и подлинность, а не о гедонистическом субъективном счастье биологического индивида, стремящегося к гомеостазу.

Интегративность концепта психологического благополучия и наша приверженность к интегрально-эkleктическому подходу В.А. Янчука позволяет рассмотреть феномен психологического благополучия в контексте психоаналитической методологии и практики. Прежде всего, в данном контексте, важен генезис психологического благополучия в системе ранних отношений человека, его объектных отношений.

Исследования, выполненные под нашим руководством, статистически достоверно показали, что позитивные объектные отношения существенно и качественно повышают уровень психологического благополучия человека [5]. Благо-

получный человек характеризуется теплотой и близостью отношений с родителями в детстве, а во взрослости имеет и поддерживает позитивные отношения с дальним и ближним социальным окружением. Уровень психологического благополучия также фактически наследуется трансгенеративно [1].

Уточняя ранее полученные данные о влиянии объектных отношений и трансгенерационной передаче благополучия, мы провели стандартизированный опрос с использованием методик «Опросник привязанности к близким людям» Н.В. Сабельниковой и Д.В. Каширского и «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (336 респондентов в возрасте от 18 до 55 лет) [6]. Опросник привязанности опирается на теорию привязанности Дж. Боулби суть которой в том, что активное функционирование системы поведения привязанности закладывается особенностями материнско-детских отношений. В методике выделен фактор «Беспокойство», характеризующийся страхом быть отвергнутым близким человеком и фактор «Избегание», характеризующийся степенью дискомфорта, который человек чувствует от психологической близости с ним. Эти факторы являются практическим результатом экстраполяции младенческой модели привязанности, ее надежности-ненадежности, во взрослую жизнь человека. Именно два этих фактора выделены в силу их большой прогностичности для оценки экстраверсии, доброжелательности, открытости новому опыту, позитивным самоотношением, добросовестностью, переживанием одиночества, тревожностью, удовлетворенностью текущими близкими отношениями. Статистически достоверные результаты при сопоставлении уровня беспокойства и избегания с уровнем благополучия были получены по всем исследуемым параметрам (Табл.1):

Таблица 1

Различия факторов привязанности к близким людям у испытуемых с разным уровнем благополучия

	Уровень благополучия	Количество респондентов	Среднее ранговое значение	Уровень достоверности
Избегание	Низкий	69	183,60	0,044
	Средний	189	172,35	
	Высокий	78	145,81	
Беспокойство	Низкий	69	195,61	0,031
	Средний	189	163,08	
	Высокий	78	157,66	

Таким образом, стандартизированный опросник, базирующийся на психоаналитическом концепте привязанности, показывает, что уровень психологического благополучия взаимосвязан (вероятно, и предопределен) с особенностями психосоматической и психоэмоциональной коммуникации в диаде «мать-младенец»; уровень беспокойства в отношении отвержения и уровень избегания близких отношений понижается по мере роста психологического благополучия.

Также интересные данные нами были получены при проведении полуструктурированного интервью о психологическом благополучии с 38 испытуемыми от 18 до 55 лет (контент-анализ проведен дипломницей Т. Пазухиной). Всего было задано 19 вопросов, например: «Как Вам кажется, кого можно назвать благополучным человеком?», «Опишите благополучного человека. Какой он?», «Вы считаете себя благополучным человеком? В чем это выражается?», «Как Вам кажется, в какой период вашей жизни вы были наиболее счастливы? Почему?», «Какие события в вашей жизни больше всего повлияли на ваше благополучие?».

Проанализировав все полученные индикаторы, мы выявили категории психологического благополучия: отношения; чувство компетентности; гармония и самопринятие; достижение цели; финансовое благополучие и достаток; развитие и самореализация; восстановление ресурсов; благополучие страны. Интересно, что из 270 единиц счета 101 единица была отнесена к категории «семья». При анализе компонентов благополучия в зависимости от возраста респондентов получены следующие данные:

1. Группа испытуемых до 35 лет к наиболее значимым параметрам благополучия относит семью (42 % единиц) и самореализацию (15 % единиц).

2. Группа испытуемых от 35 до 55 лет к наиболее значимым параметрам благополучия относит детей (38 % единиц) и семью (19 % единиц).

В сопоставлении с моделью К. Рифф очевидно, что большая часть параметров совпадает, но нашими респондентами в количественном соотношении фактически игнорируется параметр «Автономность, и дополнительно привносятся

параметры «Восстановление ресурсов», «Финансовое благополучие», «Благополучие страны». Последние три параметра мы относим к внешним условиям благополучия, перманентно находящимися в нашей стране в кризисном состоянии, по существу, эти параметры можно отнести к параметрам гедонистического благополучия.

Возвращаясь к исключенности в ответах на вопросы интервью параметра «Автономность», можем предположить, на основании ранее полученных данных, что высокая автономность в целом характеризует людей с высоким уровнем благополучия и позитивными объективными отношениям (около 23 % от выборки), остальные же испытуемые, вероятно, пережили потерю «хорошего объекта» и находятся в интенции к «залипанию» к близкому, постоянному и привычному окружению в целях сохранения «статус-кво». Эти предположения подтверждаются и нашими новыми статистическими данными о различиях в уровне автономности у людей с разным уровнем психологического благополучия (Табл. 2):

Таблица 2

Автономность у испытуемых с разным уровнем благополучия

	Уровень благополучия	Количество респондентов	Среднее ранговое значение	Уровень достоверности
Автономность	Низкий	69	103,27	0.000
	Средний	189	168,64	
	Высокий	78	234,04	

Другие наши данные, находящиеся в процессе подготовки к публикации, показали, что уровень субъектности (как авторства своей жизни) также статистически достоверно повышается с повышением уровня психологического благополучия человека.

Далее, с учетом темы статьи, методологически важным моментом нам представляется интерпретация структурных параметров современной психоаналитической диагностики [3,4] в контексте модели психологического благополучия К. Рифф. Для анализа осей инструмента психодинамической диагностики избраны

в качестве базовых две оси: ось отношений и ось структуры. Модель психологического благополучия и избранные оси систематизированы по классическим для отечественной психологии группам: отношения человека с собой, отношения человека людьми и отношения человека миром (А.Ф. Лазурский и В.Н. Мясищев).

Таблица 3

**Сопоставление критериев психологического благополучия
и двух осей по ОПД-2**

Критерий систематизации	Критерии благополучия по К. Рифф	Критерии по ОПД
Отношения с собой	<p>Самопринятие отражает позитивную самооценку себя и своей жизни в целом, осознание и принятие не только своих положительных качеств, но и своих недостатков. Противоположность самопринятия – чувство неудовлетворённости собой, характеризующееся неприятием определённых качеств своей личности, неудовлетворённости своим прошлым.</p> <p>Личностный рост предусматривает стремление развиваться, учиться и воспринимать новое, а также наличие ощущения собственного прогресса. Если личностный рост, по каким-то причинам не возможен, то следствием этого становится чувство скуки, стагнации, отсутствие веры в свои способности к переменам, овладению новыми умениями и навыками, при этом уменьшается интерес к жизни</p>	<p>Самовосприятие: способность к рефлексии в отношении себя, которая предполагает образ собственной самости и чувство идентичности, а также определение собственных аффектов.</p> <p>Саморегуляция: способность интегрировать и регулировать собственные потребности, аффекты и чувство самооценности, и на этом основании развивать способность распоряжаться собой, доверие к себе и чувство самоуважения.</p> <p>Защита: способность поддерживать или восстанавливать душевное равновесие во внешних и внутренних конфликтах при помощи определенных механизмов защиты.</p>

Критерий систематизации	Критерии благополучия по К. Рифф	Критерии по ОПД
Отношения с людьми	<p>Позитивные отношения с окружающими – в этом случае подразумевается, как умение сопереживать, так и способность быть открытым для общения, а также наличие навыков, помогающих устанавливать и поддерживать контакты с другими людьми, кроме этого, данная характеристика включает в себя желание быть гибким во взаимодействии с окружающими, умение прийти к компромиссу. Отсутствие этого качества свидетельствует об одиночестве, неспособности устанавливать и поддерживать доверительные отношения, нежелании искать компромиссы, замкнутости.</p> <p>Человек, обладающий высокой автономией, способен быть независимым, он не боится противопоставить своё мнение мнению большинства, может позволить себе нестандартное мышление и поведение, он оценивает себя исходя из собственных предпочтений. Отсутствие достаточного уровня автономии ведёт к конформизму, излишней зависимости от мнения окружающих.</p>	<p>Ось отношений. Оцениваются интерперсональные установки и образцы, которые проявляются как доминирующие и в большей или меньшей степени эффективные, а также реакции диалогиста (контрперенос) на предложенные отношения.</p> <p>Коммуникация: способность эмоционально настроиваться на других, быть открытым с другими и понимать их аффективные сообщения.</p> <p>Привязанность: способность выстраивать внутренние репрезентации собеседника и их аффективно обслуживать; способность выбирать между привязанностью и отдалением и вырабатывать правила взаимодействия для сохранения привязанности.</p> <p>Восприятие объекта: четкое различие самости и объекта, связанное со способностью признавать за внешними объектами их собственные права и намерения, способность сжиться с объектом.</p> <p>Регулирование отношений с объектом: способность защищать отношения от собственных беспокоящих импульсов, интрапсихические защиты вместо межличностных; способность поддерживать в отношениях</p>

Критерий систематизации	Критерии благополучия по К. Рифф	Критерии по ОПД
		собственные интересы и принимать во внимание интересы других; способность развивать реалистичное представление о других.
Отношения с миром	Наличие жизненных целей порождает чувство осмысленности существования, ценности того, что было в прошлом, происходит в настоящем и будет происходить в будущем. Отсутствие целей в жизни влечёт ощущение бессмысленности, тоски, скуки. Управление окружающей средой подразумевает наличие качеств, которые обуславливают успешное овладение различными видами деятельности, способность добиваться желаемого, преодолевать трудности на пути реализации собственных целей, в случае недостатка этой характеристики наблюдается ощущение собственного бессилия, некомпетентности, присутствует неспособность что-то изменить или улучшить для того, чтобы добиться желаемого	Саморегуляция как способность чувствовать себя хозяином собственных компетентных действий на основе опыта собственной эффективности

Таблица мало заполнена в области пересечений «отношения с миром» и «критерии психодинамической диагностики». Психоанализ почти исключил из своего рассмотрения внешние конфликты, переключив акцент в направлении внутренних или интернализированных конфликтов, так, что уместность внешних конфликтов вообще исчезла. При изучении внешних аспектов конфликта наши

предварительные исследования показали, что основной способ адаптации психологически неблагополучных людей – это гиперстремление к самоконтролю, контролю окружающих, контролю событий. Одновременно это состояние коррелирует с отсутствием достаточно хороших отношений в семье как в раннем детстве, так и в актуальном состоянии. То есть первичный мир не стал надежной платформой для психологического благополучия человека. В то же время авторские практические коррекционные разработки показывают, что почти любая форма психотерапии, в которой учитывается интерперсональный аспект отношений позволяет существенно повысить структурную интегрированность психики и чувство психологического благополучия.

При работе со статистическим массивом данных, полученных нами с коллегами [1,5,8], корреляционный, регрессионный, кластерный анализ позволяют выделить психологические группы:

- Низкоблагополучные. Низкий уровень самопринятия, конформизм, «залипание» на узкий, близкий круг, негативные эмоции, суетливость, автономность низкая. Негативные отношения в детстве. Компенсация через повышение ощущения компетентности, от большого мира дистанцированы.

- Среднеблагополучные. Самопринятие среднее, ориентация на отношения, достижения, цели, автономия средняя, влияет на уровень благополучия. Противоречивые отношения с родителями. Компенсация посредством достижений, взаимодействия с внешним миром

- Высокоблагополучные. Самопринятие высокое, рост через отношения. Позитивно принимают мир, но достаточно бездеятельны, не ориентированы на достижения. Отношения с родителями позитивные. Компенсируются, при необходимости, за счет саморегуляции.

Резюмируя, можно сделать следующие выводы, что на разных уровнях психологического благополучия:

1. Различные паттерны отношения к себе, другим и миру.
2. Различные способы регуляции своего состояния.

3. Различное содержание отношений со своими родителями.

4. Трансгенерационная передача благополучия.

Феномен психологического благополучия как метасистемное образование имеет высокий эвристический потенциал и будет в перспективе являться предметом множества исследований в отечественной и зарубежной психологии.

Библиографический список

1. Зиновьева, Д.М. Межпоколенческая передача "надежной привязанности" как ресурс психологического благополучия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. – 2017. Т.6. № 4. С. 361-366.

2. Жуковская, Л. В., Трошихина, Е. Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал – 2011, том 32, № 2. с. 82–93.

3. Мак-Вильямс, Н. Психоаналитическая диагностика: понимание структуры личности в клиническом процессе. – М.: Независимая фирма «Класс», 1998. 480 с.

4. Операционализованный психодинамический тест (ОПД)-2. Руководство по диагностике и планированию терапии. – М.: Академический проект; Культура, 2011. 454 с.

5. Павлоцкая, Я.И. Социально-психологический анализ уровней и типов благополучия личности // Современные проблемы науки и образования. – 2015. № 1-1. С. 15-44.

6. Сабельникова, Н.В., Каширский Д.В. Опросник привязанности к близким людям // Психологический журнал. – 2015. том 36. № 4. С. 79-87.

7. Ryff, C.D. Psychological Well-Being Revisited: Advances in the Science and Practice of Eudaimonia // Psychother Psychosom. – 2014. №. 83. P.10-28.

8. Zinovyeva D., Dolgoplova O., Pankratova E., Khripunova S., Chernov A., Vodopianova N. Problems of psychological well-being and distress of the personality: causes and consequences // Advances in Social Science, Education and Humanities Research, volume 321. II International Scientific-Practical Conference "Psychology of Extreme Professions" (ISPCPEP 2019). – P. 237-241.

УЧАСТВУЮЩИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ. ПОЗИЦИЯ ПСИХОАНАЛИТИКА В РЕЛЯЦИОННОМ ПОДХОДЕ

Золотарева И.Д.

Психолог-психоаналитик
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье освещаются изменения в психоаналитической позиции, обеспечиваемые реляционным психоаналитическим подходом. Описывается психоаналитическая позиция участника-наблюдателя, раскрывается смысл и значение взаимовлияния и самораскрытия как терапевтических вариантов в дополнение к традиционному психоаналитическому техническому репертуару.

Ключевые слова: участник-наблюдатель, терапевтическая позиция, принятие, самораскрытие, травма, диссоциация.

Abstract. The paper highlights the changes in the psychoanalytic stance provided by Relational psychoanalytic approach. The author describes the participant-observer psychoanalytic stance, reveals the meaning and significance of mutual enactments and self-disclosure as therapeutic options in addition to the traditional psychoanalytic technical repertoire.

Key words: participant-observer, therapeutic stance, enactment, self-disclosure, trauma, dissociation.

Влияние реляционных идей на психоаналитическую практику выражается в изменении терапевтической позиции аналитика, которая определяется в реляционном психоанализе как позиция участвующего наблюдателя, и в расширении его технических возможностей за счет более свободного использования своей субъективности в дополнение к традиционным терапевтическим техникам.

Участие аналитика в терапевтическом процессе неизбежно следует из пред-

ставления о том, что самость не существует в отрыве от взаимодействия с другими. Поэтому наблюдению и исследованию доступна не самость пациента сама по себе, а множество контекстуально обусловленных конфигураций различных аспектов самости пациента и аналитика [7]. То есть мы обнаруживаем аспекты самости пациента только в их переплетении с аспектами самости аналитика. Следовательно, аналитик и участвует во взаимодействии с пациентом, и наблюдает результат этого взаимодействия в intersubъективном поле, которое возникает между ними. Необходимость поддерживать наблюдающую, исследовательскую позицию, несмотря на эмоциональное вовлечение в процесс, обуславливает взаимный, но асимметричный характер психоаналитических отношений [1].

Динамическими аспектами совместного существования двух психик является их связанность и раздельность. Только установление надежной и безопасной связанности с другим, дает возможность чувствовать себя отдельным и принимать его и свою инаковость. Травматическое прерывание этой связанности во взаимодействии со значимыми фигурами из прошлого запускает процессы диссоциации, которые приводят к разрывам в психике, нарушая целостность самоощущения и затрудняя коммуникацию с другими и с внутренними объектами [2]. Поэтому основная терапевтическая цель реляционного анализа в работе с диссоциированными состояниями самости – восстановление внутренних связей пациента, через совместное проживание травматического опыта [3, 4]. Это происходит в процессе разыгрывания.

Одно из измерений роли психоаналитика – создать надежную и безопасную терапевтическую среду, способствующую тому, чтобы разыгрывание произошло. И участвовать в нем, переживая историю пациента изнутри. Диссоциированный опыт недоступен вербальному выражению, невосприимчив к интерпретациям и не может быть отредактирован посредством инсайта [3, 8]. Психоанализ должен обеспечить аффективный опыт отношений, в которых могли бы развернуться травматические аспекты ранней истории пациента.

Разыгрывание представляет собой бессознательную коммуникацию, через

которую находит свое выражение несформулированный (диссоциированный) опыт, и понимается как интерперсонализация диссоциации [8]. Оно осознается в тот момент, когда аналитик вдруг обнаруживает что утратил терапевтическую позицию и действует сейчас не как терапевт, а как обычный человек. Когда аналитик «просыпается» в разыгрывании, то есть восстанавливается его наблюдающая способность, этот опыт необходимо понять и осмыслить вместе с пациентом, чтобы создать для него символическую репрезентацию. Для полноценной обработки разыгрывания требуется доступ к переживаниям не только пациента, но и аналитика. В этот момент он предстает перед пациентом больше, как живой, чувствующий человек, нежели как бесстрастный исследователь. На важность этого момента указывает один из самых влиятельных реляционных аналитиков Ф. Бромберг, который говорит, что терапия становится возможной благодаря проницаемости границ между нашей профессиональной позицией и личностной [3].

Выход из диссоциации может сопровождаться интенсивными аффектами с обеих сторон. Особое значение при этом имеет переживание стыда, который возникает от столкновения с инаковостью другого. Совместное переживание стыда и других чувств восстанавливает связанность с другим человеком, непереносимый прежде опыт может быть символизирован и переведен в слова. Это переживается как ощущение большей «живости», как будто какая-то часть пациента доселе не была достаточно живой.

Применение самораскрытия не ограничивается только ситуациями разыгрываний. Переживания аналитика во время сессии не принадлежат только ему, но отражают какие-то аспекты разворачивающегося совместного опыта двух людей в терапевтическом пространстве и содержат в себе в том числе диссоциированные аспекты самости пациента, которые таким образом могут быть обнаружены и поняты [3,4,6,7]. В этом случае самораскрытие вносит в поле недостающий элемент, который может вывести терапию из тупика или продвинуть ее на новый уровень [5].

При обсуждении вопроса о самораскрытии, высказываются опасения, что аналитик может занять собой слишком много пространства или повторно травмировать пациента. Терапевтическая ситуация действительно открывает нам доступ к воскрешению и переработке тех травматических переживаний, которые никогда до этого пережиты не были. Нельзя проработать травму без того, чтобы она не актуализировалась в терапии. Повторная травматизация в данном случае возможна, только если терапевт не заботится об эмоциональной безопасности пациента.

Вопрос о пространстве, которое аналитик может занять в ущерб пациенту, возникает в том случае, если наше мышление структурировано представлениями психологии одной персоны. В рамках этого мышления мы полагаем, что межличностное пространство может быть в принципе занято только одним участником взаимодействия. С позиции психологии двух людей такая ситуация невозможна. Аналитик всегда присутствует в поле и всегда занимает там какое-то место [9]. ИмPLICITно мы всегда самораскрываемся в каждом своем действии или бездействии [1].

Самораскрытие – это тонкий инструмент и ничего не имеет общего со вседозволенностью. Признание того, что на самом деле проявляется в терапевтической встрече (особенно аффективные переживания и конфликты), требует значительного мужества и дисциплины, но является необходимым фактором для успешной терапии.

Таким образом, мы можем определить терапевтическую позицию в реляционном подходе как позицию участвующего наблюдателя. Реляционный аналитик участвует во взаимодействии с пациентом через неизбежные бессознательные разыгрывания и сознательное самораскрытие, опираясь на свою чувствительность к интерсубъективному полю, сохраняя или восстанавливая при этом наблюдающую позицию.

Библиографический список

1. Aron, L. (1996). A meeting of minds: Mutuality in psychoanalysis. Hillsdale, NJ: Analytic Press.
2. Bach, S. (2006). Getting from here to there: Analytic love and analytic process. Hillsdale, NJ: The Analytic Press.
3. Bromberg, P. M. (2006). Awakening the dreamer: Clinical journeys. Mahwah, NJ: Analytic Press.
4. Davies, J.M. & Frawley, M.G. (1994). Treating the adult survivor of childhood sexual abuse. New York: Basic Books.
5. Ehrenberg, D. (1992). The intimate edge. New York: Norton.
6. Maroda, K. (1991). The power of countertransference. Chichester, UK: Wiley.
7. Mitchell, S. (1988). Relational concepts in psychoanalysis. Cambridge, MA: Harvard University Press.
8. Stern, D. B. (1997). Unformulated experience. Hillsdale, NJ: Analytic Press.
9. Wachtel, P. L. (2008). Relational theory and the practice of psychotherapy. New York, NY: Guilford.

ТРАВМА, ДИССОЦИАЦИЯ И РАЗЫГРЫВАНИЕ

Каргальцев Д.А.

Врач-психиатр, психотерапевт
г. Москва, Россия

Аннотация. Статья иллюстрирует изменения в психоаналитическом мышлении, связанные с реляционным поворотом в психоанализе. Выделены нормальная и патологическая диссоциация, а также их значение для функционирования самости. Описано происхождение развивающейся реляционной травмы. Автор аргументирует необходимость модификации терапевтической техники, легитимации инсценировки как важнейшего терапевтического инструмента для работы с диссоциированным травматическим опытом.

Ключевые слова: диссоциация, травма, принятие, реляционная травма.

Abstract. The paper illustrates the changes in psychoanalytic thinking associated with the Relational turn in psychoanalysis. Normal and pathological dissociation as well as their significance for the functioning of the self are highlighted. The origin of developmental relational trauma is described. The author argues for the need to modify the therapeutic technique, legitimize the enactment as essential therapeutic tool for working with dissociated traumatic experience.

Key words: dissociation, trauma, enactment, relational trauma.

Реляционный подход изменяет наши представления об устройстве психики. В классической модели психоанализа самость понимается как единое образование, которое динамически определяется процессами вытеснения. Реляционный подход предлагает идею множественных состояний самости, поддерживаемых диссоциативными процессами.

Диссоциация включает в себя как нормальные, необходимые для функционирования психики, так и патологические аспекты. Как патологический, так и

нормальный диссоциативные процессы основаны на том, что поле внимания сужается для концентрации на определенном диапазоне опыта, в то время как другой материал (внутренний или внешний) исключается из осознания, что может привести к временному отсутствию рефлексивного сознания [8].

В своих нормальных проявлениях диссоциация выполняет регуляторную функцию, не позволяя затапливать психику непрерывным потоком переживаний. Такие состояния сознания как мечтательность, фантазии, поглощенность повседневной рутинной, абстрактное мышление временно сужают объем доступного сознанию текущего опыта.

Еще один аспект нормального проявления диссоциации отмечает Ф. Бромберг, в своей теории множественной самости. Самость, согласно Бромбергу, состоит из множества отдельных, непрерывно сменяющих друг друга в разных межличностных контекстах состояний. Диссоциация в этом случае выступает как адаптационный гипноидный психический процесс, который обеспечивает избирательное невнимание к элементам опыта [2]. То есть, диссоциация маскирует разделение самости на отдельные состояния. Это позволяет нам переживать иллюзию непрерывности собственного существования, а также поддерживать единство и целостность представлений о себе.

Диссоциация становится патологической, когда используется постоянно для игнорирования значительного объема опыта. Такой защитный процесс сопровождает травматические события, не допуская когнитивную обработку и создание символической репрезентации опыта [5]. Воспоминания об этом зафиксированы на аффективном и телесном уровнях.

С точки зрения Бромберга, развитийная травма определяется нарушением в переживании непрерывности самости, чувстве «кто я есть», и в этом отношении она экзистенциальна в своем ядре. Травматизация происходит, когда значимые другие не признают реальность аффективного опыта ребенка; тогда аффективная дестабилизация становится сокрушительной, гипервозбуждение не может быть урегулировано, и соответствующие события не могут переживаться и

осмысливаться [3].

Согласно современным нейропсихоаналитическим исследованиям, имплицитная взаимная аффективная регуляция между соответствующими системами в правом полушарии матери и таковыми у ребенка позволяет последнему накапливать отношенческий опыт, который будет формировать систему привязанности [5]. Эта информация передается через спонтанные визуальные, слуховые и тактильные эмоционально заряженные коммуникации, во время которых заботящееся лицо регулирует состояния возбуждения младенца на имплицитном уровне [6]. При адекватной сонстройке и откликаемости матери на состояния возбуждения ребенка, формируется безопасная привязанность.

Однако в соответствующих структурах правого полушария отпечатывается не только опыт диадной регуляции, но и дисрегуляции, который соответствует отношенческой травме. Если воспитатель недоступен или его отклик носит не соответствующий контексту характер, то он генерирует у ребенка экстремальные уровни стрессовой стимуляции, порождая интенсивные состояния негативного аффекта вместо его модуляции [1]. В таких случаях, дабы избежать затопления непереносимым аффективным психобиологическим возбуждением, психика прибегает к единственному оставшемуся в ее распоряжении средству – диссоциации.

Работа с диссоциированным опытом в психотерапии осложняется его принципиальной недоступностью для вербального выражения. Он может стать опознаваемым только когда разыгрывается между терапевтом и пациентом [3]. Когда этот опыт оказывается размещен в межличностном контексте, он впервые приобретает интерсубъективное значение, будучи разделенным с другим человеком. Благодаря этому потоку разыгрываемого взаимодействия, можно получить доступ к диссоциированным переживаниям.

Терапевтическое действие тогда происходит на эксплицитном/вербальном и имплицитном/разыгрываемом уровнях [5]. Терапевт является соучастником

происходящих разыгрываний и наблюдателем, рефлексивным о происходящем взаимодействии и его значениях [4]. В результате чего аффективно-соматический опыт символически трансформируется в эмоциональные и интенциональные состояния разума, которые затем становятся доступными для рефлексии и регуляции [7].

Таким образом, травма, диссоциация и разыгрывание представляют из себя единый и неразделимый комплекс, определяющий способ существования той части нашего опыта, которая оказалась чрезмерной и непереносимой, потому что никогда ни с кем не была разделена.

Исходя из этого положения, становится очевидным, что, требование к аналитику избегать отыгрываний контрпереноса (разыгрываний), исключает из поля терапевтического исследования существенную часть опыта пациента. Легитимизация разыгрываний как неизбежных и терапевтически необходимых событий значительно расширяет возможности психоаналитического метода.

Bibliographic list

1. Beebe, B. & Lachmann, F.M. (2014). The origins of attachment: Infant research and adult treatment. London: Routledge.
2. Bromberg, P. M. (1998). Standing in the spaces: Essays on clinical process, trauma, and dissociation. Hillsdale, NJ: Analytic Press.
3. Bromberg, P.M. (2011). The shadow of the tsunami and the growth of the relational mind. New York and London: Routledge.
4. Ehrenberg, D. (1992). The intimate edge. New York: Norton.
5. Ginot E. (2015). The neuropsychology of the unconscious: Integrating brain and mind into psychotherapy. New York: W.W. Norton.
6. Schore, A.N. (1994). Affect regulation and origin of the self: The neurobiology of emotional development. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
7. Schore, A. N. (2012). The science and art of psychotherapy. New York, NY: Norton.
8. Stern, D.B. (2010). Partners in thought: Working with unformulated experience, dissociation, and enactment. New York and London: Routledge.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ЯЗЫК ПСИХОАНАЛИЗА

Куратов А.Д.

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье представлен обзор основных источников и авторское видение концепции отношения в теории психоанализа. Отношение обладает теми же свойствами, что и типичный элемент психодинамической теории: динамизмом, объектной ориентацией субъекта и детерминацией опыта. Установки защищают Эго от социального давления и внутренних конфликтов. Концептуальные поля имеют много общего, но различаются в своих языках науки.

Ключевые слова: установки, ценности, установки, интегральный подход, социальная психология, история и будущее психоанализа, свойства установки, эго-защитная функция, психодинамика, язык психоанализа.

Abstract. The article presents the main sources overview and the author's vision for the concept of attitude in psychoanalysis theory. An attitude has the same properties as a typical element of psychodynamic theory: dynamism, object orientation of a subject and determination of experience. Attitudes defend Ego from social pressure and internal conflicts. The concept fields have a lot in common, but vary in their science languages.

Key words: Attitudes, values, sets, integrally approach, social psychology, history and future of psychoanalysis, properties of attitude, ego-defensive function, psychodynamic, language of psychoanalysis.

Гений XX века внес большой вклад в изучение человека. Столетие ознаменовалась ростом множества значительных идей, среди которых особое место занимает психоанализ. В свое время данная метатеория оказала влияние практически на все направления изучения личности, исключением не стала и социальная психология. Но вот на рубеже нового века возникла вновь потребность в синтезе

научных изысканий и все больше распространяется мысль об интегративном подходе в изучении человека. Однако, прежде чем говорить о новаторстве, необходимо выборочно обозначить уже существующие попытки интеграции теории психодинамического подхода и объяснительных конструктов в социальной психологии [1]. Сделать это можно на примере социально-психологических установок, часто упоминаемых также как аттитюды.

Психоанализ первой половины двадцатого века социальными установками не занимался, однако социальная психология развивалась благодаря достижениям учения о бессознательном, в том числе. Г. Олпорт, формируя единое понятие установки из множества существующих дефиниций, писал, что «Фрейд наделил установку жизненной силой» [7]. За этим иносказанием кроется актуальность бессознательного в процессе усвоенного отреагирования. В социально-психологической установке по Г. Олпорту – «состоянии нервной готовности реагировать на объект в ситуации в соответствии с опытом, динамически и направлено» [10] есть несколько компонентов, которые имеют большой вес в современной динамической теории. Это базис в прошлом – «опыт», «динамика» (изменение) и самое главное – субъектная направленность на объект.

Необходимо держать в уме, что и установки, и психоаналитические объяснительные термины направлены на объяснение интерперсонального взаимодействия через внутренние «настройки» личности (хотя репрезентируют они несколько разное) [6]. Данные конфигурации формируются благодаря способности индивида реагировать на ситуации и объекты, обобщая прежний опыт и воспроизводя его на более широкий спектр социальных обстоятельств с разной степенью успешности.

Д. Кац, пытаясь объединить достижения разных направлений поиска мысли в социальной психологии, выделяет в установке помимо прочего свойство «эгозащитности», т.е. напрямую обращается к терминологическому аппарату психоанализа [9]. Установка адаптивна, следовательно, входя в психическое содержа-

ние, она стремится максимально поддерживать внутреннюю стабильность по отношению к внешним изменениям, для этого установка должна быть адекватна реальности и сформирована в рамках структуры личности, которая также способна достаточно хорошо тестировать реальность и изменяться симметрично ей при минимальных рисках для самости субъекта [2, с. 223-235]. П.Н. Шихирев отмечает, что интегративный подход Д. Каца возможно является чрезмерно эклектичным [7], однако психоанализ сам по себе является метапсихологической концепцией [3], что дает запас доверия к искусственной конструкции, позволяющей посредством языковой интерпретации встать над проблемой смыслового тупика и устранить его напряжение. С этой точки зрения, установка, как и психоаналитический диагноз, является лишь моделью, которой специалист пользуется для подбора гипотез и рабочих схем, но природа личности, как она есть, будет всегда безусловно богаче конструкторов, используемых для изучения в разные периоды.

На первом этапе истории развития психоаналитической концепции особенно выделяется интерес к фиксациям, где влечения являются зацикленными желаниями удовлетворения потребности на определенной стадии развития [5, с. 37-63]. Фактически, сходным явлением может считаться неадекватная фиксация психологической установки, сопровождающейся генерализованным и стабильным использованием одного доминирующего характерного мотива в самых разных и иных по природе проявлениях, как об этом позднее говорил на примере пограничного уровня организации О. Кернберг [5, с. 63-95].

Позднее, с укреплением в теории структурной модели психики и с установившимися методами эго-психологии в практике, изыскания философско-психологического сообщества все чаще приходят к предположению об определяющей роли языка и символа во внутреннем конфликте [4]. Столкновение инстинкта и социальной этики происходит на территории Эго, где требования сторон приобретают форму ориентирующих установок, преимущественно вербально-символических со стороны Супер-Эго и в основном образно-символических со сто-

роны Ид. Ориентация между удовольствием и тревогой обретается с опытом такого противостояния, во много совпадая с формированием ведущего мотива достижения или избегания, т.е. в преобладающем стремлении к владению желаемым объектом, либо избавления от вины в нежелательной ситуации.

Языковые средства — это посредничество, которым связываются базовые рациональные установки в достаточно непротиворечивую систему. Аналогично в психодинамике, посредством обобщенных представлений, выстраивается внутренняя вербальная логика отношений с действительностью («принцип реальности») [4]. Там, где такое обобщение сделать затруднительно, вступают в действие бессознательные защиты, движимые «жизненными силами». Д. Шапиро полагает, что в характере предпочтительны не только сформированные более рациональные и комплексные защиты, но и наличие их вариативности, т.е. большой адаптивный спектр [11].

О необходимости вычленив установку, опознав ее и очертив вербально границы, фактически говорится в модели наблюдающего эго, обособляемого от переживающего; о таком разделении в глубинной терапии, как о необходимом звене аналитической работы, говорят обычно «расщепление эго» [12].

Возникшее параллельно с эго и селф-психологией направление объектных отношений согласовывается по категориям «внутреннего объекта», «интроекта» с теориями социального влияния, образования групп и ролевых моделей поведения, у истоков которых стояли К. Абрахам и А. Адлер среди прочих [8]. Психоанализ, как индивидуальная психология, таким образом оказывается тесно связан с социальной психологией через понятие установки как ориентации на ценности, близко к пониманию У. Томаса и Ф. Знанецкого, родоначальников установки [2, Ibid.].

Н. Мак-Вильямс пишет, что благодаря развитию теории объектных отношений и концепции интроектов «характеры могут рассматриваться как обоснованно прогнозируемые паттерны» относительно собственного поведения или ожиданий от поведения другого [5 с. 37-63].

Однако проблемы характера – это длительные и плотно закрепленные за человеком установки уровня базиса и жизненных ценностей. Эго-психология призывает отделять от них проблему симптоматики (ситуации) [5, Ibid.]. Такие проблемы можно уверенно связать с ситуацией «непопадания» ситуационной установки (аттитюда), сформированной в инфантильный период, и необходимостью смены образа действия. В этом отношении характерные паттерны личности обладают всеми важными свойствами установок: адаптационным потенциалом, динамичностью, защитной функцией, эмпиричностью и доминирующим фиксированным ориентиром.

Социальная психология при своих, казалось бы, конкретных задачах, изучает человека и в динамике изменения, и с точки зрения причин его поведения, и в рамках социально-психологических установок. Несмотря на различие в конструктах, язык психоанализа говорит об очень близких явлениях и функциях. Проблемы несоответствия формы здесь чаще существеннее, чем действительного содержания. Возможно, концепция установки в том или ином виде найдет еще свое широкое распространение в практике и теории динамического подхода к изучению личности.

Библиографический список

1. *Александров, А. А.* Психотерапия: Учебное пособие. [Текст] – СПб: Питер, 2004. – С. 425–445.
2. *Андреева, Г.М.* Социальная психология. Учебник для высших учебных заведений. [Текст]. – М.: Аспект Пресс, 2001. 290 с.
3. *Кудряшов, И.С.* Психоанализ и его предпосылки [Электронный ресурс] // Journal of Siberian Medical Sciences. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihoanaliz-i-ego-predposylki> (дата обращения: 10.04.2019).
4. *Лакан, Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе [Текст] / Ж. Лакан. – М., 1995.6. – 192 с.
5. *Мак-Вильямс, М.Н.* Психоаналитическая диагностика: понимание структуры личности в клиническом процессе [Текст] / Пер, с англ. – М.: Независимая фирма «Класс», 1998. – 480 с.
6. *Старовойтов, В.В.* Современный психоанализ - смена парадигмы мышления [Электронный ресурс] // История философии. 2001. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-psihoanaliz-smena-paradigmy-myshleniya> (дата обращения: 12.04.2019).
7. *Шухирев, П.Н.* Современная социальная психология США. [Текст] М: Наука, 1979.

C. 86–103.

8. *Allport, G. W.* Attitudes. In C. M. Murchison (Ed.), *Handbook of Social Psychology*. [Текст] Winchester, MA: Clark University Press, 1935. P. 810.

9. Katz, D. The functional approach to the study of attitudes. [Текст] *Public Opinion Quarterly*, 1960. 24: p. 163–204.

10. *Lieberman, M. D., Eisenberger, N. I., Crockett, M. J., Tom, S. M., Pfeifer, J. H., & Way*, Putting feelings into words: affect labeling disrupts amygdala activity in response to affective stimuli. [Текст] *Psychol Sci*, 2007. 18(5). p. 421-428.

11. *Shapiro, D.* Psychotherapy of neurotic character. [Текст] New York: Basic Books, 1989. P. 14-53.

12. *Sterba, R.F.* The fate of the ego in analytic therapy. [Текст] *International Journal of Psycho-Analysis*, 1934. 15. p. 117–126.

РЕЛЯЦИОННЫЙ ПОВОРОТ В ПСИХОАНАЛИЗЕ: ПСИХОЛОГИЯ ДВУХ ЛЮДЕЙ

Левчук А.В.

Клинический психолог
г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические основы реляционного поворота в психоанализе-конкретно эпистемологическая конструктивистская критика традиционной психоаналитической установки и обновленной модели психики и терапевтического действия. Далее выделяются некоторые клинические сдвиги, лежащие в основе реляционного психоаналитического подхода.

Ключевые слова: реляционный психоанализ, психология двух лиц, конструктивизм, субъективность, диссоциация, принятие.

Abstract. The paper describes the theoretical foundations of the Relational turn in psychoanalysis - specifically epistemological constructivist criticism of the traditional psychoanalytic station and updated model of mind and therapeutic action. Further, some clinical shifts underlying the Relational psychoanalytic approach are highlighted.

Key words: relational psychoanalysis, two-person psychology, constructivism, subjectivity, dissociation, enactment.

Какую ценность имеет интерпретация, если каждый из нас интерпретирует по-своему? Что представляет собой инсайт, если весь опыт неоднозначен и открыт множеству интерпретативных предложений? Каково терапевтическое действие психоанализа, если ставится под сомнение центральная роль интерпретации и инсайта? И какие последствия всё это имеет для нашей работы с пациентами?

В попытках найти ответы на эти и другие вопросы в 80-х годах XX века в

США родилось реляционное направление в психоанализе. Представители интерперсонального подхода (Э. Левенсон, С. Митчелл, Дж. Гринберг, Ф. Бромберг), психологии самости (Э. Гент, Дж. Бенджамин), теорий объектных отношений (Дж. Дэвис) и Эго-психологии (И. Хоффман и М. Гилл) подвергли эпистемологической критике традиционную (объективистскую) психоаналитическую позицию, согласно которой аналитик способен «изъять» свою субъективность из терапевтического процесса и с помощью выверенных интерпретаций исправить искажения переноса (обладая доступом к «правильной», неискаженной версии реальности).

С признанием того факта, что в кабинете присутствуют два субъекта, которые совместно формируют поле взаимного влияния, произошел переход от так называемой «психологии одного человека» к «психологии двух людей» [10]. Утверждается, что в той мере, в какой мы все обладаем бессознательным, наше понимание смысла, мотивации и влияния нашего собственного поведения ограничено. Аналитик не только подвержен влиянию своего собственного бессознательного процесса при формулировании любой интерпретации, не только является полноправным участником любого аналитического действия, но и частично слеп к той роли, которую он играет в отношениях с пациентом [6].

Аналитик не имеет доступа к «истинной» или «незагрязненной» картине внутреннего мира пациента, вклад наблюдателя настолько значителен, что попытка устранить это влияние является не только самообманом, но, на самом деле, создает менее точную и надежную картину [4,5,10]. Ни пациент, ни аналитик не обладают всеобъемлющим взглядом на происходящее между ними, в их распоряжении лишь частичные и субъективные перспективы. Ни один из них не может полностью понять свою собственную или чужую роль в психоаналитическом процессе без опоры на точку зрения другого [1].

Схожие выводы о том, что человеческая самость принципиально реляционна, интерсубъективна и всегда обнаруживается в контексте отношений с другим, были сделаны на основе исследований взаимодействия матери и младенца,

открытий в рамках теории привязанности [2,7,9]. Любая устойчивая диада (будь то мать-младенец, пациент-аналитик и пр.) формирует систему взаимного влияния и взаимной регуляции. Значительная часть коммуникации в этих диадах происходит имплицитно и не может регулироваться сознательно [2].

Зерна вышеуказанных идей можно было обнаружить у теоретиков объектных отношений, представителей интерперсонального психоанализа и психологии самости, но именно в реляционном подходе отношения становятся главным фактором в генезе характера и психопатологии, а также в практике психоаналитической терапии. А эпистемологический конструктивизм становится одним из базовых теоретических принципов.

Трансформировались и представления о природе человеческой самости. Большинство реляционных аналитиков больше не думает о ней как об унитарной единице, организованной вокруг фиксированной иерархии связанных с влечениями развитых конфликтов, которые оставляют определенные следы в архивированном бессознательном, как слоистые отложения прошлых эпох. В соответствии с открытиями в области нейронаук, самость понимается как множественная, представляющая из себя конгломерат состояний, сменяющих друг друга в разных межличностных контекстах [3,7]. Организующей психической защитой обозначается диссоциация. Она определяется как адаптационный гипноидный психический процесс, который обеспечивает избирательное невнимание к элементам опыта, за счет чего позволяет нам переживать иллюзию непрерывности собственного существования, а также единства и целостности системы представлений о себе [3].

Вышеуказанные идеи значительным образом трансформировали практику. Контекстуализм привел к отказу от стандартизированной техники и предписаний любой природы. Каждая диада вынуждена «создавать» (в практическом смысле) свой психоанализ заново. Признание неизбежного и всеобъемлющего влияния поведения (и даже самого факта присутствия) аналитика на пациента аннулировало идеалы нейтральности и анонимности как способствующие минимизации

этого самого влияния [4,5]. Позиция аналитика стала базироваться на принципе участвующего наблюдения. Источник психоаналитических данных сместился от свободных ассоциаций пациента к совместным разыгрываниям в интересубъективном поле между пациентом и аналитиком [3,8].

Аналитик теперь является «испорченным» инструментом для интерпретации и больше не может быть использован для полной расшифровки бессознательного закодированного смысла сообщений пациента. Поэтому и аналитик, и пациент вместе становятся интерпретаторами спонтанных реляционных процессов, которые возникают между ними [1,3,8]. Подобная взаимность не исключает тем не менее принципиальную асимметрию ролей и ответственности обоих участников.

Бессознательные идентификации и контридентификации, исходящие из интернализированных объектных отношений пациента, проявляются и вступают в контакт с бессознательными аспектами внутренних процессов аналитика. В результате этого, внутри интересубъективного поля возникают множественные разыгрывания. Они исследуются и понимаются в терминах смыслов в текущей истории пациента и в истории его значимых объектных отношений, реальных и фантазийных.

Исследования травмы, памяти и диссоциации подчеркивают центральную роль спонтанности в терапевтическом взаимодействии, а самораскрытие становится одним из легитимных способов поведения аналитика [3]. Диссоциируемый опыт принципиально недоступен для вербального выражения. Его следы могут обнаруживаться не только в эмоциональных реакциях аналитика, но и в разворачивающихся, «непрощенных», разыгрываемых взаимодействиях, которые могут открывать области исследования, недоступные пациенту в любой другой форме [8]. Таким образом, психоаналитический процесс сдвигается в сторону непосредственного аутентичного взаимодействия пациента и аналитика с последующей вербальной артикуляцией этого взаимодействия.

Следует отметить, что вышеперечисленные технические инновации не сопровождаются отказом от более традиционных способов психоаналитического поведения (контейнирование, интерпретации и пр.), но, скорее, призваны расширить репертуар взаимодействия в терапевтических отношениях.

Таким образом, существенные изменения в психоаналитической теории и практике, внесенные реляционным поворотом, являются закономерным следствием эволюционного развития психоанализа и дальнейшей легитимизации и концептуализации феноменов характерных для отношений в диаде пациент-аналитик.

Bibliographic list

1. Aron, L. (1996). *A meeting of minds: Mutuality in psychoanalysis*. Hillsdale, NJ: Analytic Press.
2. Beebe, B. & Lachmann, F.M. (2014). *The origins of attachment: Infant research and adult treatment*. London: Routledge.
3. Bromberg, P. M. (1998). *Standing in the spaces: Essays on clinical process, trauma, and dissociation*. Hillsdale, NJ: Analytic Press.
4. Gill, M. M. (1994). *Psychoanalysis in transition*. Hillsdale, NJ: Analytic Press.
5. Hoffman, I. Z. (1998). *Ritual and spontaneity in psychoanalysis: A dialecticalconstructivist view*. Hillsdale, NJ: Analytic Press.
6. Mitchell, S. A. (1997). *Influence and autonomy in psychoanalysis*. Hillsdale, NJ: The Analytic Press.
7. Schore, A.N. (1994). *Affect regulation and origin of the self: The neurobiology of emotional development*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
8. Stern, D.B. (2010). *Partners in thought: Working with unformulated experience, dissociation, and enactment*. New York and London: Routledge.
9. Stern, D. N. (1985). *The interpersonal world of the infant*. New York: Basic Books.
10. Wachtel, P.L. (2008). *Relational theory and the practice of psychotherapy*. New York, NY: Guilford.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХИКИ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИИ: НАПРАВЛЕНИЯ И ПОДХОДЫ

Малявина С.С.

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье представлен анализ взаимосвязи направлений и подходов в изучении психики в контексте религии: психологии религии и кросс-культурной психологии; идиографического и номотетического подходов.

Ключевые слова: психология религии, кросс-культурная психология, идиографический и номотетический подходы.

Abstract. The article presents an analysis of the relationship of directions and approaches in the study of the psyche in the context of religion: the psychology of religion and cross-cultural psychology; idiographic and nomothetic approaches.

Key words: psychology of religion, cross-cultural psychology, idiographical and nomothetic approaches.

Значимость религии в жизни человека, а также социальные проблемы, возникающие в современном мире, отчасти обусловленные принадлежностью человека и групп к конфессиям. Это ориентирует психологию к поиску ответа на вопросы о том, *как* религиозное знание и вероисповедание отражаются в психике человека; *чем* представители разных конфессий схожи друг с другом, а чем отличаются. Поиск ответа на эти и другие вопросы, раскрывающие связь психики человека с религией необходимо и возможно в рамках специального направления психологии религии.

Как отмечает Гараджа В.И., предмет исследования психологии религии заключается в изучении человека, психического аспекта, субъективной стороны религии, а также, религиозного поведения, мышления и чувств [1]. Иначе говоря,

предмет исследования психологии религии – отражение религии в субъективном мире человеке, в виде системы знаний, ценностей, переживаний, поведения.

В таком понимании, психология религии, ориентируется на выявление отражения религии в психике человека (субъективного отражения объективной реальности – религии), пытается раскрыть общепсихологические, единые механизмы этого процесса. Фактически, в таком ключе, психология религии находится в тесном контакте с психологией человека. На наш взгляд, психология религии в таком контексте, не раскрывает весь потенциал, всю многогранность отношений, существующих между психикой и религией.

Религия как важная составляющая человеческого мировоззрения оказывает влияние на личностное развитие человека. Представляется интересным выявить специфику данного влияния. Решить данную задачу может направление психологии религии, которое раскроет воздействие религиозной принадлежности на социально-психологические явления, личностные особенности человека. Предмет исследования данного научного направления заключается в изучении психических особенностей, закономерностей поведения и деятельности людей, обусловленных их принадлежностью к религии. Решение данной задачи возможно за счет *сопоставления* тех или иных психологических признаков, закономерностей поведения и деятельности представителей разных конфессий, говоря языком социальной психологии, – больших групп. Изучение психологических переменных в контексте религиозной принадлежности личности предполагает опору на методологию кросс-культурной психологии.

Психология религии в ее классическом понимании и кросс-культурная психология представляют собой не противоположные, а взаимосвязанные подходы, позволяющие раскрыть особенности психики в контексте религиозной принадлежности личности. И хотя они ориентируются на несколько отличные цели, направлены на решение разных задач, они содержательно близки, касаются одних и тех же сфер мира: психики и религии, а значит развиваться они должны как *целое*, но с разных ракурсов. Каждое из этих направлений предлагает свой

ракурс изучения психики в контекст религии. Рассмотрим на примере базовых проблем, в которых отражена связь психики и религии.

Например, религиозность представляет собой явление, в котором отражена религия в мировоззренческой позиции личности, закреплены значения и смыслы религии в сознании человека. В рамках психологии религии, выявляются универсальные закономерности данного личностного образования, раскрываются уникальные особенности религиозности у конкретного человека. Изучение религиозности в логике кросс-культурной психологии направленно на выявление культурно-специфических особенностей религиозности у представителей одной религии и различий с представителями других религий.

Другой базовой проблемой, в которой отражена связь психики и религии является религиозная ментальность, как отражение религиозной принадлежности личности в мировоззрении, в целом. В психологии религии изучение ментальности предполагает выявление взаимосвязи религиозной принадлежности личности и комплекса различных психологических переменных, проявляющихся в социокультурной сфере жизнедеятельности человека. Кросс-культурная психология проблеме религиозной ментальности исследует в контексте сходств и различий образа мира, отдельных психических процессов, личностных особенностей у представителей разных конфессий. Данные примеры проблем представлены для иллюстрации и не отражают всю полноту психологических переменных, которые изучаются в контексте религии.

Итак, если проблемы, которые разрабатываются в рамках психологии религии и кросс-культурной психологии содержательно близки, то научно-исследовательские подходы – принципиально отличаются. Психология религии, по нашему мнению, в большей степени тяготеет к применению идиографического подхода. Кросс-культурная исследовательская парадигма реализуется в рамках номотетического подхода.

Идиографический подход позволяет изучить индивидуально-психологиче-

скую уникальность взаимосвязи религии и психики человека по множеству психологических параметров, создать психологический портрет религиозности испытуемого, полученный на основании результатов различных психологических измерений.

Логика номотетического подхода предполагает выявление общих закономерностей взаимосвязи религиозного контекста и психики, в целом, отдельных психических переменных, в частности. Опора номотетического подхода на позитивистскую методологию позволяет на основе анализ множества частных случаев выявлять общие причинно-следственные закономерности взаимосвязи психики и религии.

Представленные направления являют собой интегративную систему изучения психики в контексте религии. Психология религии и кросс-культурная психология с разных сторон изучают одно явление – психику в контексте религии. Знание, получаемое в этих направлениях взаимно дополняет, обогащает друг друга, позволяет создать более полное представление в взаимосвязи психики религии.

Библиографический список

1. Гараджа В.И. Религиоведение: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений и преп. ср. школы. – 2-е изд., дополненное. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 351 с.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ МОДЕЛЕЙ ПОВЕДЕНИЯ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ

Миронова С.М.

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
магистрант, г. Волгоград, Россия

Аннотация. При уплате налогов одним из важных факторов становится доверие граждан к налоговой системе и государству в целом. Уклонение от уплаты налогов является сложным явлением, на которое влияют психологические факторы. В статье сделана попытка анализа поведения налогоплательщика, возникновения доверия к государству через психоаналитический подход – базовое доверие, полученное ребенком на оральной стадии, формирует доверие в целом, которое, в том числе, влияет на взаимодействие налогоплательщика и государства.

Ключевые слова: поведение налогоплательщика; доверие; оральная стадия

Abstract. When paying taxes, one of the important factors is the trust of citizens in the tax system and the state as a whole. Tax evasion is a complex phenomenon influenced by psychological factors. The article made an attempt to analyze the taxpayer's behavior, the emergence of trust in the state through a psychoanalytic approach - the basic trust the child gained at the oral stage forms trust in general, which also affects the interaction of the taxpayer and the state.

Key words: taxpayer behavior; the trust; oral stage.

Существование любого государства невозможно без существования налогов, которые являются обязательными к уплате всеми гражданами. В то же время налоги не являются, как правило, популярным инструментом среди населения, поскольку налоги ограничивают свободу человека принимать самостоятельные решения о своем доходе.

В литературе отмечают, что «субъективным фактором, определяющим от-

ношение населения к налогам, является доверие к тому, кто их собирает и использует», «Главной причиной резкого снижения доверия к государству явилось отстранение населения от процессов выработки, принятия и реализации решений, связанных с осуществлением налогообложения на федеральном и местном уровне. Люди не видят заинтересованности законодательной и исполнительной власти в том, чтобы принять в этой сфере те законы, которые соответствуют интересам большинства» [4]. Современные исследования показывают, что недоверие к власти приводит к нежеланию платить налоги. Ассоциация дипломированных сертифицированных бухгалтеров (ACCA) и Международная федерация бухгалтеров (IFAC) провели исследование среди 7,6 тысячи граждан стран G20 с целью выяснить их отношение к существующей налоговой политике. 67 % ответили, что категорически не доверяют политикам, в России этот показатель чуть ниже – 63 % [9]. Проведенный в 2017 году опрос ВЦИОМ, приуроченный к секции Российского инвестиционного форума, показал, что главными препятствиями к началу своего дела в нашем обществе считаются бюрократия (26 %) и большие налоги (20 %), высокие налоги считаются также одной из основных причин теневого бизнеса (22 %) [7].

Таким образом, при уплате налогов одним из важных факторов становится доверие граждан к налоговой системе и государству в целом. Эффективное демократическое общество зависит от доверия граждан к своему правительству. Уплата налогов, принятие законодательных и судебных решений, соблюдение программ социального обеспечения и поддержка военных целей – это лишь некоторые примеры необходимости общественного сотрудничества с государственными требованиями. В то же время избиратели ожидают, что их чиновники будут вести себя этично и ответственно. Для тех, кто стремится понять – и улучшить – это взаимное реагирование, доверие и управление обеспечивают широко-масштабное исследование роли доверия в гражданской жизни. Доверие и управление задают несколько важных вопросов: действительно ли доверие необхо-

димо для хорошего управления или важны строгие законы? Что заставляет людей либо доверять, либо не доверять правительству, и что заставляет чиновников принимать решение быть заслуживающими доверия? [3]

Уклонение от уплаты налогов является сложным явлением, на которое влияют не только экономические мотивы, но и психологические факторы. Экономико-психологические исследования направлены на индивидуальное и социальное представление о налогообложении, а также о принятии решений. В своей книге «The Economic Psychology of Tax Behaviour» австрийский психолог Э. Кирхлер раскрыл результаты исследования по вопросам соблюдения налогового законодательства с упором на уклонение от уплаты налогов и объединил результаты в модель, основанную на климате взаимодействия между налоговыми органами и налогоплательщиками. По его мнению, климат взаимодействия определяется доверием граждан к властям и полномочиями властей эффективно контролировать налогоплательщиков; в зависимости от доверия и власти, вероятными результатами могут быть либо добровольное соблюдение, принудительное соблюдение или отсутствие соблюдения. Как отмечает Э. Кирхлер, доверие является критическим фактором в понимании истоков гражданской активности, сотрудничестве с властями. Если государственные органы должны будут постоянно объяснять и обосновывать свои действия, их способность эффективно управлять общественными делами будет значительно уменьшена [1]. Kirchler, Hoelzl и Wahl утверждают, что соблюдение налогового законодательства является результатом сочетания эффективного правоприменения и взаимного доверия между налогоплательщиками и властями [2].

Доверие к власти и добровольное соблюдение объединяют благоприятные социальные представления, то есть, базовое понимание налогового законодательства, благоприятный налоговый менталитет, благоприятные личные, социальные нормы и воспринимаемые справедливо в отношении распределения налогового бремени, льгот и процедур. Доверие зависит от сотрудничества и способствует сотрудничеству [1].

Как отмечается в литературе, доверие к системе налоговой службы выступает интегративным социальным феноменом, имеющим психологическое основание, а также экономический, правовой и нравственный аспекты [8, с. 6].

Таким образом, являясь базовой категорией для взаимодействия налогоплательщика и государства, доверие не возникает ни откуда, а складывается в процессе жизни человека определенным образом. В связи с этим представляют интерес истоки зарождения базового доверия человека, которое может быть положено и в основу доверия налогоплательщика к государству.

В норме у ребенка в первый год жизни развивается первичное доверие [6, с. 11]. Оральная стадия психосексуального развития личности по З. Фрейду (с рождения до полутора лет) предполагает, что выживание младенца всецело зависит от того, кто о нем заботится. Главная задача, стоящая перед младенцем в течение орально-зависимого периода, состоит в закладке основных установок: зависимости, независимости, доверия и опоры в отношении других людей.

По Э. Эриксону, на оральной фазе формируется первичное доверие или недоверие. Благодаря хорошим отношениям с матерью у ребенка создается внутренний мир и прочные отношения с людьми и предметами внешнего мира. Они дают ребенку рудиментарное ощущение первичного доверия. Благодаря чувству того, что можно довериться человеку извне, который осуществляет уход за ребенком, и благодаря связанной с этим способности воспринимать себя достойным доверия у ребенка создается основа здоровой личности, базальный опыт первичного доверия, являющийся предпосылкой хорошего самочувствия, здорового дыхания, пищеварения и сна [5, с. 37–38]. На этой стадии может возникнуть кризис – базисное доверие против базисного недоверия. Степень доверия, уверенности в себе, по Э. Эриксону, зависит не столько от количества пищи или любви к малышу, сколько от качества материнских отношений с ребенком.

Описание доверия, складывающееся между ребенком и его матерью на оральной стадии, в определенной степени напоминает доверие, которые испы-

тывает гражданин к государству в целом, и через него к налоговым органам. Доверие к государству, стабильность принятия решений органов власти, стабильность налоговой системы: все это похоже на базисное доверие. И, напротив, насколько государство осуществляет нестабильную экономическую и налоговую политику, настолько граждане теряют к нему базисное доверие. Доверие и уважение зависят от понимания позиции других распознавать различные точки зрения и знать, как реагировать на них так, чтобы это воспринималось как справедливое и честное решение [1, с. 49].

Библиографический список

1. Kirchler E. The Economic Psychology of Tax Behaviour. Cambridge university press, 2007.
2. Kirchler, E.; E. Hoelzl; and I. Wahl (2008). "Enforced Versus Voluntary Tax Compliance: The 'Slippery Slope' Framework." *Journal of Economic Psychology* 29, 210–225.
3. Trust and Governance. Edited by Valerie Braithwaite and Margaret Levi. New York: Russell Sage Foundation, 1998. 386p.
4. Асеев Д.В. Отношение населения к налогам: социологический анализ: социологический анализ: дис. ... канд. социол. Наук. Екатеринбург, 2006.
5. Зиновьева Д.М. Психоаналитический взгляд на нарушения поведения детей и подростков: учебно-методическое пособие / ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы». – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2010. 100 с.
6. Зиновьева, Д.М. Интерперсональный подход в психологическом консультировании: учебно-методическое пособие/ под ред. Д.М. Зиновьева; ФГБОУ ВО Волгоградский институт управления «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». –Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2018. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Систем. требования: IBMPC с процессором 486; ОЗУ 64Мб; CD-ROM дисковод; Adobe Reader 6.0. Загл. с экрана.
7. Предпринимательство и самозанятость в России // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116082> (дата обращения 19.05.2019).
8. Тебуев А.А. Психолого-акмеологические условия и факторы развития доверия к системе налоговой службы: автореферат дис. ... кандидата психологических наук: Москва, 2013.
9. Что россияне говорят о нашей налоговой системе // <https://www.klerk.ru/buh/articles/469116/> (дата обращения 19.05.2019).

ЭЛЕМЕНТЫ ПРОСТРАНСТВА «ЗЕЛЕНОГО ДОМА» Ф. ДОЛЬТО В РАБОТЕ РАННЕЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ С ОВЗ

Никифоров Т.И.

ГБОУ «Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа-интернат V вида», ГБОУ «С(К)ОШИ V вида»
г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Пространство "Зеленого Дома" (фр. Meison La verte) встроен в социальную парадигму выдающийся представитель французской школы психологии, тонкий и одаренный клиницист, детский психоаналитик, социальный работник, автор многих книг, статей, монографий Франсуа Дольто, безусловно, свидетельствует об интегративно-коммуникативной модели межличностного взаимодействия в триаде "ребенок-мать-отец". "Сквозь призму богатого интроецированного клинического опыта Ф. Дольто конституционально воссоздал пространство, в котором разыгрывалась ситуация детско-родительских отношений.

Ключевые слова: психоаналитическая концепция, саморегуляция, самоактуализация, самоидентификация, теория объектных отношений, детско-родительские отношения, детские дефициты, паттерны поведения, психосоциальная идентичность.

Abstract. The space of the "Green House" (FR. Meison La verte) is embedded in the social paradigm an outstanding representative of the French school of psychology, the subtle and gifted Clinician, child psychoanalyst, social worker, author of many books, articles, monographs by Francoise Dolto, of course, is indicative of the integrative - communicative model of interpersonal interaction in the triad "child – mother - father." Through the prism of rich introjected clinical experience, F. Dolto constitutionally recreated the space in which played out the situation of child – parent relationships.

Key words: psychoanalytic concept, self - regulation, self-actualization, self-identification, theory of object relations, parent-child relationship, child deficits, patterns of behavior, psychosocial identity.

Предпосылками оформления детской психологии в самостоятельную отрасль науки в середине XIX в. выступили запросы педагогической практики, осознание необходимости построения научной теории воспитания, а также разработка идеи развития в философии и биологии, появление экспериментальной психологии и связанных с ней объективных методов исследования. Все крупнейшие педагоги прошлого (Я.А. Коменский, Дж. Локк, Ж.Ж. Руссо, И.Г. Песталлоцци и др.) говорили о необходимости строить воспитание и обучение с опорой на знание возрастных и индивидуальных особенностей ребенка. Они не только проявляли интерес к детской психологии, но и сами были ее знатоками. Детство, по праву является одним из важнейших субстратов психологической науки. Выдающимися исследователями данного феномена можно по праву считать Л.С. Выготского, Ж. Пиаже, А. Бине, С. Симона, Ст. Холла, А.Л. Гезелла, Д.М. Болдуина, К. Бюлера, Э. Клапареда, В. Штерна, Дж. Уотсон, Б. Ф. Скиннер и многие др.

Психоаналитическая концепция за всю свою непродолжительную историю, благодаря ее родоначальнику талантливому естествоиспытателю, теоретику, клиницисту, профессору Зигмунду Фрейду в изучение данного феномена внесла множество идей, концепций, теорий, клинического материала. К изучению детства З. Фрейд, обратился в связи с необходимостью проанализировать воспоминания взрослого. Сделав попытку понять, какое значение для взрослого человека в его жизни имеют бессознательные переживания детства, психоанализ тем самым подчеркнул огромное значение раннего детства, показал, что именно там закладываются личность и ее главные проблемы.

Современный психоанализ подчеркивает роль межличностных отношений и социокультурных факторов, в том числе условий воспитания, в процессе становления личности.

Именно в данном психоаналитическом контексте идея Ф. Дольто по созданию открытого для внутрисемейного диалога пространства «Зеленого Дома»

черпала свои идеи. Внедряя их в клиническую практику. «Зеленый дом» Франсуазы Дольто — итог ее теоретической и практической деятельности. Итог размышлений и наблюдений всей ее жизни.

Ф. Дольто много рассказывала о том, что представляет собой Зеленый дом, но нигде не описывала концепцию «Зеленого дома» как однозначно расписанную по пунктам застывшую систему. Неоднократно Ф. Дольто подчеркивала, что Зеленый дом не может быть ни лечебным, ни образовательным, ни развлекательным местом, он является пространством жизни, где все сплетено вместе живым общением людей, где все ипостаси человеческой жизни переплетены между собой и наиболее полно реализуются совместно. Это модель общества, в котором каждый из нас зависит от качества коммуникации с другими людьми: детьми и взрослыми. Будучи внимательным педиатром, автором глубочайшей теории бессознательного образа тела, Ф. Дольто показала в своих трудах и клинической практике, что то, как принимают в обществе новорожденных, как складывается первый социальный опыт малыша, зависит дальнейшее его физическое и психическое развитие, его здоровье и благополучие.

Ф. Дольто отмечала, что слово, обращенное к ребенку всегда должно быть правдиво. Любая ложь и та, что нам кажется во спасение – прямой путь к неврозу. Дети всегда чувствуют, что творится в доме, а исключение их из обсуждения того, что их напрямую касается, всегда вызывает у ребенка невротизирующую тревогу. В то время как даже один правдивый, уважительный разговор может изменить жизнь человека и маленького, и большого.

Социальное пространство «Зеленого дома» задумывалось именно для того, чтобы мамы и папы, бабушки и дедушки увидели воочию, как нуждаются в диалоге самые маленькие, чтобы быть услышанными и понятыми. Она предостерегала любящих родителей от того, чтобы укрывшись волшебным словом «люблю», не освобождали себя от пытливой работы мысли, необходимой для понимания чувств и мыслей даже только что родившегося ребенка. Она напоминала родителям, что если мы, взрослые, будем подменять уважение к личности

ребенка, умилением перед ним, то не заметим, как нетерпеливая беспечность детства пройдет, и настанет пора нашим детям брать на себя ответственность, к которой они могут оказаться не готовыми.

Основываясь на концептуальных принципах эквивалентных процессов, выстраивает работу ГБОУ «С(К)ОШИ V вида» г. Улан-Удэ. Центрируя в своей работе пространство свободного общения, свободной игры, общих правил, чтобы каждый ребенок мог найти то, что более всего его привлекает, и смог самостоятельно реализовать задуманное. Чтобы мог выразить себя языком спонтанной игры, быть услышанным и понятым взрослыми. Эта встреча в новом пространстве, новом опыте общения позволяет ребенку отыскать для себя свое желание и не путать его с желанием другого.

В пространстве школы создаются те условия, которые открывают ребенку путь к пониманию самого себя и своего места в мире, в мире, где может быть хорошо и тебе, и другому, где каждый также важен как и ты.

Атмосферу в школе как и в «Зеленом доме», создают принимающие. Принимающие — это те, кто слушают обращенное к ним слово и малышей, говорящих на довербальном и вербальном языке, и их родителей. Принимающие — это те, кто поддерживают словом тех родителей, которые нуждаются в поддержке в их столь трудной новой роли мамы и папы, окруженных со всех сторон тревогами совершения ошибок воспитания.

Принимающие — это команда специалистов (руководства, педагогов, психологов, медицинского персонала). Эта идея позволяет родителям иметь возможность общаться с разными людьми и избежать таким образом одного преобладающего мнения, делать выбор и принимая на себя ответственность за жизнь своей семьи. В тоже время дети имеют возможность познакомиться с различными людьми: молодыми и пожилыми, разговорчивыми и немногословными, громкими и сдержанными и т.п.

Школа неукоснительно соблюдает принцип анонимности и доступности. Он не оказывает услуги, он является местом общения доступным всем, где нет об-

служивающего персонала, а есть специалисты, которые помогают и детям, и родителям найти ответы на тревожащие их вопросы. Школа становится местом профилактики социальных драм, местом для всех, местом где хорошо мне и другому, местом свободного развития свободной личности.

Библиографический список

1. Винникотт, Д.В. Игра и реальность. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002.
2. Дольто, Ф. На стороне ребёнка. – Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2010.
3. Дольто, Ф. Психоанализ и педиатрия. – Т. I. – Ижевск: ERGO, 2008.
4. Кляйн, М. Детский психоанализ. – М.: «Институт общегуманитарных исследований», 2010.

МАСТУРБАЦИОННЫЕ ФАНТАЗИИ И ИХ РОЛЬ В ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Нуртдинов М.А.

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
г. Уфа, Россия

Аннотация. Цель исследования - разработать рабочую классификацию мастурбационных фантазий и предложить варианты их использования в практике психоаналитической психотерапии. Результаты. Мастурбационные фантазии существенно влияют на ход передачи, при этом регрессивные и эротические реакции дают возможность оставаться в рамках рабочего альянса. Показано, что разработанная классификация мастурбационных фантазий позволяет индивидуализировать подходы к психоаналитически ориентированной психотерапии.

Ключевые слова: мастурбационные фантазии, психоаналитическая психотерапия.

Abstract. The aim of the study is to develop a working classification of Masturbation fantasies and to offer options for use in the practice of psychoanalytic psychotherapy. Results. Masturbation fantasies significantly affect the course of the transfer, with regressive and erotic reactions make it possible to remain within the working Alliance. It is shown that the developed classification of Masturbation fantasies allows to personalize approaches to psychoanalytically oriented psychotherapy.

Key words: Masturbation fantasies, psychoanalytic psychotherapy.

Актуальность. Из истории психоаналитического движения известно, что о мастурбации говорилось в Венском психоаналитическом кружке в 1910 г. и вызвало множество разногласий. По мнению В. Штекеля, что каждый человек так или иначе, сознательно или бессознательно, мастурбирует, а невроз является результатом не мастурбации, а сопутствующих ей фантазий [2].

О. Фенихель приводит мнение З. Фрейда о том, что симптомы неврастении

возникают вследствие чрезмерной мастурбации [5].

С точки зрения Н. Мак-Вильямс [3], признание мастурбационных фантазий является одним из признаков «нового уровня компетентности» в психоанализе и долгосрочной психотерапии. Она полагает, что в процессе интервью необходимо прояснять значение мастурбационных фантазий.

И. Ялом [6] предлагает добиваться от клиента признания в мастурбации интервенциями типа: «Все мастурбируют».

Цель исследования – разработать рабочую классификацию мастурбационных фантазий и предложить варианты использования в практике психоаналитической психотерапии.

Классификация.

1. Инфантильные, подростковые и зрелые.
2. Патологическая и физиологическая.
3. Компulsive и психические, эквиваленты мастурбаций.
4. Мужские и женские.
5. Типичные и атипичные.
6. Регулярные и нерегулярные.
7. Прогрессирующие и стабильного течения.
8. Оральные, анальные и фаллические.
9. Реальные и нереальные, виртуальные и порнофантазии, инцестные, гомосексуальные и гетеросексуальные, групповые и партнерские, зоофилические, садистические и мазохистические, нарциссические и объектные. Аутофантазии и фантазии о сексе партнера.
10. Фантазии трансвеститов, вуайеристов, эксбиционистов.
11. Фантазии «дневных остатков», архаичные, футуристические.
12. Фантазии об аналитике – положительные и отрицательные
13. Отсутствие мастурбационных фантазий.

Патогенез. По мнению авторов «Борьба с мастурбацией и соответствующей»

щими фантазиями может проявляться в кусании ногтей, почесывании, трихотилломании (выдергивании волос, бровей или ресниц), трихофагии (кусании, жевании или проглатывании волос). Фантазии, связанные с оральными, анальными или уретральными компонентами сексуальности, становятся полностью бессознательными и смещаются на определенную деятельность Я. Те же элементы могут связываться с чертами характера, отражающими мастурбационные фантазии, в виде задиристости, преступной деятельности, повышенного интереса к провоцирующим тревогу событиям (таким, как несчастные случаи), компульсивных разговоров и других компульсивных или обсессивных симптомов. Фрейд рано начал наблюдение невротических симптомов, как видно по истерии; он считал, что они есть следствие борьбы против мастурбации и ассоциированных с ней фантазий. С ранними родительскими запретами мастурбации могут быть связаны такие обсессивные проявления, как самозапреты, самонаказания, стремление к наказанию (мазохизм). Страх (кастрации) и чувство вины, связанные с мастурбационным поведением и/или мастурбационными фантазиями, вызывают защитную регрессию к догенитальной фазе. В таких случаях эти желания проявляются в типичных компромиссных образованиях, продуцирующих многочисленные симптомы с разнообразными функциями» [4].

С другой стороны, М. Кляйн [1] полагала, что «...специфическое содержание детской игры, которое вновь и вновь проявляется в самых разнообразных формах по своей сути идентично мастурбационным фантазиям, а одна из важнейших ее функций состоит в том, чтобы проложить этим фантазиям путь, ведущий к разрядке».

Результаты исследования.

Практика психоанализа показывает, что в настоящее время, большинство пациентов психоаналитика не страдают чувством вины и стыда по поводу мастурбации.

В то же время, у значительного, если не у абсолютного числа матерей наблюдается негативное, а точнее презрительное отношение к мастурбации

своих детей, сопровождаемое чувством стыда. Это говорит в пользу необходимости психологического просвещения. Простые интервенции: «Вы боитесь, того что Ваш ребенок может стать гомосексуалистом?», позволяют существенно снизить тревожную готовность матери. А прояснение инфантильной мастурбации как проявление тревожности ребенка, обусловленного тревожностью матери значительно облегчают состояние клиенток-матерей.

Что касается взрослых клиентов, у одной из женщин 40 лет, кастрирующее отношение ко второму мужу сопровождалось интенсивными мастурбационными фантазиями на фоне его отказа от половой жизни. Эти фантазии о наблюдении за мужской гомосексуальной парой были похожи на фантазии «Человека-волка», описанного З. Фрейдом. По-видимому, за этими фантазиями находилась, не только истерическая структура характера, но и достаточно мощные садистические радикалы.

По нашему мнению, пограничные пациенты легче признают наличие мастурбационных фантазий, также как и в случае актуальных неврозов. В некоторых случаях obsessions не представлялось возможным добиться признания в мастурбации, на фоне религиозных запретов.

У молодых мужчин, наблюдается снижение интенсивности фантазийного компонента, их фантазии замещаются видеорядом, просмотром порнофильмов в Интернете, совершенно разнообразных по сюжету.

На наш взгляд в процессе психоаналитического интервью можно не углубляться в фантазийный материал, достаточно того что клиент признается аналитику в своей мастурбационной практике, и только когда создан рабочий альянс, и работа переходит в фазу «затяжной штиль» можно раскачать процесс акцентуацией на мастурбационных фантазиях. Причем, необходимо отмечать динамику, эволюцию фантазий. Это будет являться неким детектором направления развития психоаналитического процесса. Отсутствие изменений в фантазиях в процессе терапии может свидетельствовать о необходимости изменении парамет-

ров, но с другой стороны, каждый случай индивидуален и интенсификация психоанализа у пациентов с несформировавшимся Эго может привести к фатальным последствиям.

Выводы. Исследование мастурбационных фантазий может представить богатый материал для проработки. Но наиболее важным, на наш взгляд, является то, что в процессе работы, когда создается рабочий альянс, и клиент начинает питать дружеские чувства и возникает эротизированный перенос, бывает не лишним напоминать клиенту о том, что тот успел свою «тайну мастурбации» выдать и подобные интервенции способны вернуть анализ в рабочее русло.

Библиографический список

1. Кляйн, М. Детский психоанализ <http://detectivebooks.ru/book/24449840/?page=8> [дата обращения 6.10.2015].
2. Кон, И.С. 2005. <http://antio.ru/index.php?showtopic=5510> [дата обращения 6.10.2015].
3. Мак-Вильямс, Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе/Пер. с англ.-М.: Независимая фирма «класс», 2011. – С. 160.
4. Психоаналитические термины и понятия: Словарь/Под ред. Борнесса Э. Мура и Бернарда Д. Фаина/Перев, с англ. А.М. Боковикова, И.Б. Гриншпуна, А. Фильца. – М.: Независимая фирма "Класс", 2000. – 304 с. – (Библиотека психологии и психотерапии, вып. 79).
5. Фенихель, О. Психоаналитическая теория неврозов. М.: Академический Проект; Трикса, 2013. – С. 192.
6. Ялом, И. Психотерапевтические истории. Хроники исцеления. [http://www.e-reading.by/bookreader.php/103096/Yalom - Psihoterapevticheskie istorii. Hroniki isceleniya.html](http://www.e-reading.by/bookreader.php/103096/Yalom_-_Psihoterapevticheskie_istorii._Hroniki_isceleniya.html) [дата обращения 6.10.2015].

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ НЕБЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЧНОСТИ. ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Орехова Е.А.

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Волгоград, Россия

Аннотация. Понятия "психологическое благополучие" и удовлетворенность жизнью слабо операционализированы. Наиболее широкие возможности для изучения этого вопроса предоставляет психоаналитический подход. При таком подходе формирование теоретической модели субъективного благополучия происходит через модель "субъективного несчастья личности".

Ключевые слова: субъективное благополучие человека; субъективная беда человека; психоаналитическая модель.

Abstract. The concepts of «psychological well-being» and «satisfaction with life» are unsystematic. The most ample opportunity to study this issue provides a psychoanalytic approach. Using this approach, the formation of a theoretical model of subjective well-being occurs through the model of the "subjective unhappiness of the individual".

Key words: subjective well-being of a person; subjective trouble of a person; psychoanalytic model.

В целом, понятия психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью носят несистематизированный характер. Это осложнено разнообразием подходов к изучению психологического благополучия. Исследования идут по двум направлениям: изучение субъективного (гедонистического) и психологического

(эвдемонического) благополучия [1]. Исследователи субъективного благополучия делают акцент на его аффективной составляющей, указывая на то, что оно включает в себя позитивные аспекты восприятия, а его обобщенной характеристикой является удовлетворенность жизнью [2]. Выявлен большой вклад личностных черт в изменчивость субъективного благополучия; предполагается также существование его гомеостаза, который поддерживается механизмами адаптации, позитивным аффектом, оптимизмом, когнитивными механизмами [3].

Изучение вопроса о субъективном благополучии личности уходит глубоко корнями в философию, психологию и социологию, но данный вопрос актуален и в настоящее время, т.к. удовлетворенность жизнью – это то, к чему стремится человек на протяжении всей своей жизни [4]. Сформировать теоретическую модель субъективного благополучия можно через модель «субъективного неблагополучия личности». Это можно объяснить тем, что многие психологические подходы акцентируют внимание не на «условном психическом здоровье» и психологическом благополучии личности, а изучают феномены нарушения внутреннего равновесия человека, а также людей с дезадаптивным социальным поведением [10].

Наиболее широкие возможности для изучения данного вопроса дает психоаналитический подход. В психоанализе субъективное неблагополучие представлено через конфликт между социальной составляющей и индивидуальной в человеке, выраженный как неразрешимое противостояние между судебной инстанцией «Сверх-Я» и инстинктивным «Оно», осознаваемый и контролируемый в «Я» и выраженный в различных психопатологиях. Наступление благополучия возможно тогда, когда какая-либо составляющая в «Я» совпадает с «Идеалом Я» и несет за собой возникновение чувства триумфа [5].

Позднее К. Хорни, делая попытки социализировать учение З. Фрейда, разработала свою концепцию личности, в которой за основу взято врожденное чувство беспокойства, «коренная тревога». «Коренная тревога», как считает

К. Хорни, ведет к отчуждению человека от себя самого и от общества в целом. Выход - это избавление от идеализированного, ненастоящего образа. Хорни выделяет три стратегии социального поведения, которые приводят к ощущению благополучия: 1) стремление к людям; 2) избегание людей, стремление к независимости; 3) настроенность против людей (агрессия). Итак, К. Хорни считает важной особенностью для субъективного благополучия человека взаимосвязь «личность-люди», отстранение от которых можно превозмочь любовью и привязанностью. Желание властвовать для нее - это другая дорога успокоения от чувства тревоги, не отрицая при этом, что стремление к власти может быть как невротическим, так и исходить из ощущения силы [8].

Наиболее понятно К. Хорни отражает свою концепцию в последней книге «Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию». В работе предложены три аспекта: я-актуальное, я-идеальное, я-реальное. Под я-реальным К. Хорни подразумевает тот идеальный образ себя, которого возможно добиться в реальном мире. К неблагополучию приводит внутренняя дезинтеграция личности, которая вызвана желанием поддерживать любым способом некоторое идеальное, но не достигаемое представление о себе, что требует колоссальных психических затрат и наиболее сильно отрывает человека от его Я-актуального. Получается вместо здорового Я-идеала и ориентированного на него Я-актуального, невротическая личность создает несуществующий Я-идеал и вырабатывает в сознании ориентированное на него Я-актуальное. От идеализированных и далеких от действительности Я-идеального и Я-актуального, К. Хорни призывает избавиться, речь идет именно об искоренении фальшивых Я-структур [9].

Социальный психолог, неотрейдист Э. Фромм в своих работах также рассматривал аспекты субъективного неблагополучия. По мнению Э. Фромма восстановить связь с миром можно двумя способами: 1) любовь и труд; 2) бегство от себя к миру, конформизм; 3) разрушение отчужденного объекта, т.е. агрессия [6].

Конечная и истинная цель «благополучного» человека обозначена

Э. Фроммом в работе «Человек для себя», где сказано, что «Главная жизненная задача человека – дать жизнь самому себе, стать тем, чем он потенциально является. Самый значительный плод его деятельности – это собственная личность». Так же немаловажным для «благополучного» человека является «искусство любить», любовь рассматривается как основной способ возврата человека к самому себе. Любовь в различных ее проявлениях – выступает разрешением проблемы человеческого существования через восстановление социально-психологических связей всех уровней. [7]

Подводя итог краткого обзора психоаналитических моделей субъективного неблагополучия личности, можно выделить факторы, которые способствуют неблагополучию: конфликт Я-реального и Я-идеального, «депривация» высших и низших потребностей, невозможность положительной самореализации, ощущение бессмысленности бытия, нарушение социальных взаимосвязей, самоотчуждение, потеря субъектности.

Библиографический список

1. Абулханова-Славская, К.А. О путях построения типологии личности [Текст] / К.А. Абулханова-Славская // Психологический журнал. – 1983. – Т.4. – № 1. – С. 16.
2. Боузман, Б. Организация и «личность бюрократического склада» [Текст] / Б. Боузман, Х. Рэйни // Коррупция и бюрократизм: истоки и пути преодоления: тематический сборник. – М., 1998.
3. Воронина, А.В. Оценка психологического благополучия школьников [Текст] / А.В. Воронина // Ежегодник российского психологического общества. – СПб., 2003. Т2.
4. Выготский, Л.С. Психология [Текст] / Л.С. Выготский. – М.: ЭКСМО-Пресс. 2001.
5. Фрейд, З. Массовая психология и анализ человеческого «я» [Текст] / З. Фрейд // «Я» и «Оно». Труды разных лет. – Тбилиси: Мерани, 1991. – Т.1.
6. Фромм, Э. Бегство от свободы. Человек для себя [Текст] / Э. Фромм. – Минск: ООО «Попурри», 1998.
7. Фромм, Э. Искусство любить [Текст] / Э. Фромм // Душа человека. М.: Республика, 1992.
8. Хорни, К. Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию [Текст] / К. Хорни. –

СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2000.

9. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени: Самоанализ [Текст] / К. Хорни. – М.: Издательская группа «Прогресс» - «Универс», 1993.

10. Шамионов, Р.М. Личность и ее становление в процессе социализации. Саратов, 2000.

11. Шамионов, Р.М. Субъект и личность в процессе социализации // Субъектный подход в психологии. – М., 2009.

ВОСПРИЯТИЕ ДРУГОГО И ТИП ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Павлоцкая Я.И.

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Волгоград, Россия

Abstract. В данной работе описаны структурные различия трех типов психологического благополучия личности. В зависимости от ряда социально-психологических характеристик личности, выявленных в ходе исследования, предлагается рассматривать три типа личностного благополучия: дисфункциональный эгоцентрический тип с низкой личностной интеграцией, средне-благополучный группоцентрический тип со средней личностной интеграцией, просоциальный тип с масштабной личностной интеграцией.

Ключевые слова: психологическое благополучие, позитивная деятельность, система отношений, типы личностного благополучия.

Abstract. This paper describes the structural differences of three types of psychological well-being of the individual. Depending on a number of socio-psychological characteristics of the person identified in the course of the study, it is proposed to consider three types of personal well-being: a dysfunctional egocentric type with low personal integration, medium-well-being groupcentric type with mid personal integration, well-being prosocial type with large-scale personal integration.

Key words: psychological well-being, positive operation, the system of relations, the types of personal well-being.

Изучение психологического благополучия различными науками, в том числе, психологической, становится всё более актуальным и разносторонним. Постепенно переходя от регистрации внешней симптоматики и характеристик его проявления к обнаружению внутренней структуры и установлению значимых детерминант, зарубежные и отечественные исследователи осуществляют поиск базовых оснований концепта благополучия личности. Огромный массив

полученных данных уже создаёт запрос на систематизацию подходов к пониманию благополучия, а также, на формирование ключевых оснований определения того или иного уровня и типа благополучия личности. В тоже время, среди многочисленных теоретических и эмпирических исследований психологического и субъективного благополучия, характеризующих позитивное функционирование личности (Н. Брэдбурн, Э. Динер, М. Яхода, Р. Райан, Э. Дисси, К Рифф), условия и степень её гармоничной самореализации (М. Селигман, И. Бонивелл, М. Чик-сентмихайи, Х. Фридман, Б. Робинс, П. Вонг), ресурсное состояние личности, субъективно ощущаемое как общая удовлетворённость жизнью и степень личностного развития (О.В. Ширяева, Л.В. Жуковская, П.П. Фесенко и др.), мы находим не много подходов, описывающих не столько субъективное состояние индивида, взятое как изолированный самостоятельный феномен, сколько раскрывающих благополучие в контексте всей совокупности и во всём разнообразии различных взаимосвязей человека с миром и другими людьми. Иными словами, благополучие скорее понимается как абстрактная категория, свидетельствующая о субъективном состоянии личности без учёта её системы отношений - многогранных, взаимодействующих и динамичных. Однако, следуя отечественной традиции, сама личность может рассматриваться как система отношений (В.Н. Мясищев), как всегда взаимосвязанная и взаимообусловленная отношениями к другим людям, себе и к Миру (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Н.И. Сарджвелазде). Возможно ли, таким образом, описывать степень её благополучности, не учитывая её «отношенческой» взаимосвязи с окружающей действительностью? В проведённом нами исследовании, мы определили, что психологическое благополучие - это интегральный феномен, характеризующий позитивное функционирование человека, выражающийся в субъективном ощущении удовлетворённости жизнью, реализации собственного потенциала, высокой интегрированностью и опосредованный системой отношений личности (с другими людьми, миром, собой). Следует отметить, что структура благополучия, в которую включены такие компоненты как автономия и самостоятельность личности,

управление окружающей средой и компетентность, ощущение личностного роста и самореализации, самопринятие, жизненные цели, позитивные отношения с людьми [5], существенно меняется в зависимости от уровня психологического благополучия, изменяется степень интегрированности личности. Более того, для каждого уровня благополучия характерна специфическая система отношений к миру, себе и другим людям, формируя определённый социально-психологический портрет личности. Всё это даёт нам основания для того, чтобы предположить существование конкретных типов психологического благополучия. Само понятие типологии понимают как метод научного познания, основанием которого является деление совокупности объектов на определённые группы, как вид научной систематизации, классификации предметов или явлений по общности существенных признаков, как группирование явлений с помощью модели, типа, результат типологического описания и сопоставления [4]. В основу предлагаемой нами типологизации положена предложенная Б.С. Братусем уровневая классификация смыслов личности, базирующаяся именно на типе отношения личности к миру, другим людям и себе [3, с. 285-298]. Таким образом, мы предлагаем рассматривать три типа психологического благополучия личности: неблагополучный эгоцентрический тип с низкой интеграцией личности, среднеблагополучный группоцентрический тип с умеренной интеграцией личности, благополучный просоциальный тип с высокой интеграцией личности.

Первый тип – неблагополучный эгоцентрический с низкой интеграцией личности – характеризуются хаотичной внутренней структурой благополучия с наличием исключённых компонентов (Компетентность, Самопринятие) и негативно-тревожной системой отношений к собственной личности, другим людям и к миру в целом. Внешне такой тип благополучия может проявляться через социальную активность, хорошую социальную адаптированность, но в тоже время, в этой активности мало ориентации на других людей – скорее, внутренняя потребность во внимании со стороны других. Другой человек для личности с этим

типом благополучия представляется способом достижения какой-либо цели. Поскольку сама личность характеризуется непринятием собственной личности, незнанием себя, то и другой в этом свете представляется непонятным, непознаваемым, чужим. Неблагополучная личность не стремится к проявлению компетентности в управлении внешней средой, не видит возможности принятия ответственности за собственную жизнь и, как следствие, – возможного ресурса для развития, самоактуализации. Отношение к миру настороженное, мир представляется опасным и непредсказуемым. Неудача в одной из сфер жизни может повлечь за собой резкое ухудшение эмоционального состояния в целом, ещё большее понижение уровня благополучия.

Особенностью второго типа – среднеблагополучного группоцентрического с умеренной интеграцией личности – является более высокий, по сравнению с первым типом, уровень благополучия личности, меньшая хаотичность внутренней структуры, однако вся система отношений акцентирована на близкий и постоянный, знакомый круг общения, на референтную группу. Отношение к другим определяется заключением «свой» или «чужой», соотнесение другого человека по тем или иным характеристикам к ингруппе («моя») или аутгруппе («не моя»). Отношение с первыми поддерживаются эмоционально доверительные, тёплые, реальные социальные отношения со вторыми не столь значимы, могут умышленно избегаться. По отношению к близким людям проявляются забота, любовь, но, вместе с тем, – контроль (как к «части меня»), который существенно снижает общий уровень благополучия. По отношению к «чужим» преобладает настороженность, иногда равнодушие. Личность с этим типом благополучия прежде всего ориентирована на сохранение значимых отношений без установления новых. Отсюда, как следствие, нет стремления, и, даже, скорее, избегание, личностного роста, личностных изменений, так как изменение собственной личности может повлечь за собой изменение и перестройку значимых отношений. В целом, мир для личности этого типа представляется как условно безопасное ме-

сто, обладающее необходимыми ресурсами для реализации собственного потенциала, позитивного функционирования. Однако, поскольку самореализация может рассматриваться как мешающая актуальным отношениям, может выбираться такой её вид, при котором личностный рост не столь проявлен. Отношение к себе условно-принимаящее, поскольку в данном случае, рефлексия осуществляется за счёт получения обратной связи от других значимых людей.

Для третьего типа – благополучного просоциального с высокой интеграцией личности – характерна упорядоченная, интегрированная структура благополучия, нет исключённых компонентов, каждый из них является примерно одинаково значимым. Практически отсутствуют хаотичные связи между элементами. Система отношений непротиворечива: к миру, себе и другим людям в целом принимающее, доброжелательное, гуманистическое отношение. Признаётся ценность и значимость другой личности, осознаются собственные сильные и слабые стороны, мир представляется безопасным и ресурсным. Внешне такой тип благополучия может проявляться как социально пассивный, однако за этой внешней пассивностью стоит глубокая рефлексия и преобладающий внутриличностный тип разрешения различных конфликтов, ключевая ориентация на изменения отношения к ситуации, а не самой окружающей действительности. Личностные кризисы, вызванные внутренними или внешними факторами, переживаются за счёт доверия к миру и его мироустройству, чувства собственной компетентности, уверенности в собственных силах, наличия позитивных отношений с другими. Повышение уровня психологического благополучия происходит за счёт изменения даже одного его компонента (увеличение чувства автономии, более осознанное самопринятие и др.), интегрированность личности – являются важным ресурсом для самореализации и позитивного функционирования личности (Таблица 1).

Восприятие другого при разных типах психологического благополучия

Темы отношений	Неблагополучный эгоцентрический с низкой интеграцией личности	Среднеблагополучный группцентрический с умеренной интеграцией личности	Благополучный просоциальный с высокой интеграцией личности
Ощущение пространства другого человека	Стремление состоять в малых группах, не принимая в них активного участия (тенденция «залипания»). Ограничение пространства других	Потребность состоять в малых группах и ощущать принадлежность к большим. Предоставление пространства другому человеку, но стремление к сохранению актуальных социальных связей.	Отдалённость от других, предоставление им значительного пространства
Саморазвитие и самостоятельность	Потребность в контроле и руководстве со стороны других, несамостоятельность, тревога, связанная с процессом саморазвития, изменения	Принимают контроль со стороны других и могут сами его выражать. Однако ситуация личностного и социального изменения вызывает тревогу.	Потребность в саморазвитии и самостоятельности. Отсутствие контроля за другими, отсутствие потребности в контроле со стороны.
Признание ценности другого человека	Обесценивание значимости других, чрезмерно агрессивная позиция по отношению к другому	Другой представляет ценность в границах малой группы, к которой принадлежит личность.	Другие представляют ценность в контексте обширных социальных изменений.
Самооценка в контексте межличностных отношений	Ощущение себя как ничтожного, малозначительного, самообесценивание	Умеренная самооценка – «ни плохой – ни хороший». В диалоге с другим происходит самопознание и саморазвитие.	Ощущение собственной значимости и компетентности.
Проявление привязанности	Проявляет сильную привязанность, зависимость от значимого другого	Проявляет привязанность к другим, входящим в знакомый круг общения	Проявляет привязанность к значимым другим, выстраивает отношения с новым кругом лиц на оптимальной дистанции
Принятие привязанности	Требуя проявления привязанности, интерпретирует её как демонстрация собственной значимости	Принятие привязанности со стороны знакомого круга общения	Принимает привязанность со стороны знакомого круга общения, готов принимать привязанность со стороны нового круга взаимодействия
Забота о других	Не проявляет заботы	Адекватно заботиться о других, входящих в близкий, знакомый круг взаимодействия	Готов проявлять заботу о других в ситуациях, когда это необходимо.
Доверие	Не доверяет, ожидает подвоха или предательства. В то же время, ощущает потребность быть с другими. «Одиночество в толпе»	Проявляют потребность доверять, полагаться, надеяться на других	Общая установка на доверие другим, вместе с тем, большая ориентация на собственные действия

Темы отношений	Неблагополучный эгоцентрический с низкой интеграцией личности	Среднеблагополучный группцентрический с умеренной интеграцией личности	Благополучный просоциальный с высокой интеграцией личности
Управление другими	Потребность в контроле других	Направлять других в соответствии с социальной ролью	Не контролируют других
Социальная адаптация	Способны как полностью подчиняться, так и открыто бунтовать	Соответствуют роли, соглашаются, умеренно приспосабливаются	Внешнее проявление согласия с сохранением (в случае необходимости) внутренней позиции
Чувство собственной ответственности	Не принимают и не оценивают собственную ответственность	Способны оценивать собственную ответственность, соотносить с ответственностью других. Оценка собственных действий перед «лицом других».	Оценивают собственную ответственность, ответственность перед духовно-экзистенциальными феноменами (перед Богом, Миром, Природой)
Оценка ответственности других	Упрекают, обвиняют других	Оценка ответственности преобладает в сторону рефлексии собственных действий, соотношение своей позиции и действий других	Ориентация на собственную ответственность. Оценка ответственности других производится в малой степени
Агрессия	Либо полностью избегают проявления агрессии, либо чрезмерно её проявляют	Способны адекватно проявлять отказ и агрессию	Внешне способны не проявлять агрессии или проявлять умеренно, внутренне – рефлексия собственных чувств, переоценка
Самозащита	Проявляют осторожность из-за опасения нападения	Способны адекватно защищаться в близком, знакомом кругу	Способны отстоять собственную безопасность не подвергаясь страху саморазрушения
Контакт с другими людьми	Могут игнорировать границы других, чрезмерно приближаться к другим, и в тоже время, не замечать окружающих, игнорировать других	Адекватно устанавливать контакт с другими людьми, особенно в границах безопасного круга общения	Способны адекватно вступать в контакт как со знакомым кругом общения, так и устанавливать новые взаимосвязи
Открытость при контактах с другими	Отстраняются, воздерживаются от близкого, интимного контакта, стремятся как можно больше узнать про другого, не открываясь самому	Могут быть адекватно открытыми при взаимодействии с малознакомыми людьми, чрезмерно открытыми с близким кругом общения	Адекватно открыты как с близким кругом взаимодействия, так и в условиях новых контактов
Социальная активность	Сверхактивны, проявляют готовность активно вмешиваться в социальные ситуации без анализа адекватности или необходимости	Социально активны в малом кругу взаимодействия	Социально пассивны – не вмешиваются в социальные ситуации, отстраняются от социума, приоритет личных целей и самореализации

Также, мы предполагаем наличие четвёртого типа психологического благополучия (пока не проявленного в эмпирическом исследовании) – высокоблагополучный духовный тип с сильной интеграцией личности. Данному типу свойственны усиленные показатели по всем компонентам высокого уровня благополучия и их фактического слияние. Такая личность обладает способностью к трансценденции, экзистенциальной направленности, с преобладающим отношением к миру, себе и другим людям как к целостной взаимосвязанной системе. Возможно, ввиду современных социально-идеологических и культурных изменений, мы сможем в будущем проследить более чёткие закономерности четвёртого типа психологического благополучия.

Библиографический список

1. Абросимова, Ю.А. Психосемантический подход к исследованию образа интегрированной личности // Известия Саратовского университета. – Саратов, 2010. Том 10. С. 65–68.
2. Абульханова-Славская, К.А. О путях построения типологии личности // Психологический журнал, Том 4, № 1, 1983.
3. Братусь, Б.С. Аномалии личности. – М.: Мысль, 1988. – 301 с.
4. Каган, М.С. Системное рассмотрение основных способов группировки // Философские и социологические исследования. – Л., ЛГУ, 1977. (Ученые записки кафедр общественных наук Вузов Ленинграда).
5. Ryff, C.D., Keyes, C.L.M. The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69. P. 719–727.

ПОДДЕРЖАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ СОВРЕМЕННЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Данакари Л.Р., Юнда А.В.

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Волгоград, Россия

Аннотация. В условиях социально-экономической нестабильности, острой конкуренции на рынке труда, ужесточения требований, предъявляемых организациями к уровню профессионализма сотрудников, поддержание и сохранение психологического здоровья, позволяющего адаптироваться к изменяющимся условиям, актуализировать и проявлять свои возможности, является значимым фактором, влияющим на степень эффективности личности в профессиональной деятельности. В статье обозначены условия поддержания психологического здоровья руководителей, чья деятельность характеризуется большим количеством стрессовых факторов.

Ключевые слова: психологическое здоровье, управленческая деятельность, стресс, профессиональное выгорание.

Abstract. In conditions of social and economic instability, acute competition in the labor market, stricter requirements for organizations to the level of professionalism of employees, maintenance and preservation of psychological health, allowing to adapt to changing conditions, actualize and exercise their capabilities, is a significant factor affecting on the degree of personal effectiveness in professional activities. The article outlines the conditions for maintaining the psychological health of managers whose activities are characterized by a large number of stress factors.

Key words: psychological health, management, stress, professional burnout.

Психологическое обеспечение профессиональной деятельности в организациях тесно связано с проблемой сохранения здоровья сотрудников, как физического, так и психологического, так как его состояние оказывает существенное

влияние на процесс и результат деятельности и напрямую влияет на работоспособность, эффективность, профессиональную пригодность персонала. Согласно материалам ВОЗ, здоровье — это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов. В психоаналитическом подходе здоровье понимается как физическое и психическое состояние целостности, интеграции, стабильного функционирования всех органов и развития внутренних процессов, способствующих жизнедеятельности человека. Можно предположить, что предпосылкой здоровья физического является именно психологическое здоровье. Результаты исследований Джюэтта, изучавшего психологические характеристики людей, благополучно доживших до 80–90 лет, показали, что все эти люди обладали оптимизмом, эмоциональным спокойствием, способностью радоваться, самодостаточностью и умением адаптироваться к сложным жизненным обстоятельствам, что полностью вписывается в «портрет» психологически здорового человека.

В.Э. Пахальян определяет психологическое здоровье как «...динамическое состояние внутреннего благополучия (согласованности) личности, которое составляет ее сущность и позволяет актуализировать свои индивидуальные и возрастно-психологические возможности на любом этапе развития» [2]. В.А. Афаньев, рассматривая феномен психологического здоровья, выделяет следующие черты психологически здоровой личности: соматическое здоровье; развитый самоконтроль; реакции, адекватные различным ситуациям в жизни человека; умение разводить реальные и идеальные цели; умение регулировать свои поступки и поведение в границах социальных норм. В теории А. Адлера, психологически здоровый индивидуум – это тот, который развил у себя социальный интерес, способен сотрудничать, доверять, любить и продуктивно работать, тот, кто хочет посвятить себя жизни и решению жизненных задач [1]. Такой человек использует свою энергию на то, чтобы быть членом общества. Он с уверенностью и оптимизмом справляется с жизненными проблемами, ощущает чувство принадлежности и обладает адекватной самооценкой. Когда социальный интерес развит

недостаточно, индивидуум не приносит обществу ничего ценного, так как фиксирован на себе, а это неизбежно ведет к поражению, к чувству неудовлетворенности, к неврозу.

Таким образом, психологическое здоровье является необходимым условием полноценного социального и профессионального функционирования и развития человека, влияет на способность решения актуальных жизненных задач, снижает вероятность развития неблагоприятных психических состояний.

В последнее время особую значимость приобретает проблема поддержания психологического здоровья людей, чья профессиональная деятельность протекает в стрессовых условиях, которые могут быть заданы как условиями, так и содержанием труда. Известно, что переносимость неблагоприятных обстоятельств значительно зависит от состояния здоровья. Люди, имеющие хорошее здоровье, в целом лучше адаптируются к изменяющимся условиям окружающей действительности, имеют больший запас стрессоустойчивости. Поэтому многие организации внедряют программы поддержания здоровья, работоспособности, мотивированности своих сотрудников.

Различные авторы сходятся во мнении, что управленческая деятельность относится к тем видам трудовой деятельности, которые предъявляют повышенные требования как к физическому, так и к психологическому здоровью профессионала. Деятельность современного управленца – яркий пример слишком напряженного ритма жизни. Как правило, в своей повседневной деятельности руководитель сосредоточен одновременно на решении многих задач, которые требуют принятия решений в жестко установленные сроки. Он несет повышенную ответственность за результаты деятельности подчиненных сотрудников и управляемых бизнес-процессов. Основными причинами профессиональных деформаций у работников управления являются частое возникновение непредвиденных ситуаций, продолжительные эмоциональные контакты, интенсивное вербальное общение. Руководителю приходится постоянно принимать решения – нередко в

условиях дефицита времени, информации, невозможности просчитать все последствия, так как необходимо учитывать огромное количество переменных, при наличии сопротивления со стороны подчиненных, при давлении вышестоящего руководства. Все это вызывает активную нервную деятельность, требует больших усилий и напряжения, приводит к переутомлению, раздражительности, высокой тревожности, интенсивным внутренним переживаниям негативной модальности.

Р.М. Грановская еще несколько факторов, которые могут снижать уровень психологического здоровья руководителя: постоянная занятость вынуждает руководителя экономить время – отсюда «деловитость, сухость, формальность» в отношениях с окружающими людьми [цит. по 3, с. 64]. Сложность продвижения по служебной лестнице при отсутствии действенной обратной связи подталкивает людей, достигших высокого положения, к восприятию себя как в чём-то одарённых, к неадекватно завышенной самооценке. Руководитель, постоянно отдающий приказы, подвержен опасности возникновения у него чувства превосходства или иногда даже высокомерия, что ослабляет его способность к самокритике. Поэтому такие люди гораздо чаще подвергаются опасности переживания внутренних конфликтов, которые могут приводить к психическому истощению.

Помимо специфических факторов стресса управленца, руководители подвергаются и иным негативным воздействиям. Можно выделить целый ряд факторов организационной среды, которые влияют на любого работающего сотрудника: чрезмерная централизация и формализация организационной структуры, неурегулированность отношений между подразделениями; ролевая неопределенность, конфликты; отсутствие возможности для продвижения; организационная культура, для которой характерны ограничения и недоверие; организационный процесс, который характеризуется твердым контролем, односторонней коммуникацией, отсутствием обратной связи в отношении деятельности работни-

ков; многозадачность, наличие системы мотивации, ориентированной на наказание; сокращения персонала; негативные условия труда и несоблюдение требований безопасности; и другие.

Характер деятельности руководителя делает необходимым применение ряда мер, позволяющих поддерживать высокий уровень психологического здоровья. Иначе дисбаланс между требованиями работы и ресурсами человека, неспособность выделять время на восстановление сил, применять способы саморегуляции своего состояния, вызывают негативные эмоциональные реакции, беспокойство, напряжение, усталость и переутомление. Эти реакции, накапливаясь, могут привести к возникновению неадекватных поведенческих паттернов и значительно снизить эффективность жизнедеятельности.

Можно выделить два главных направления по поддержанию психологического здоровья, которые могут быть реализованы как на уровне организации, так и на уровне личности: 1) профилактика негативного влияния стрессоров; 2) работа по преодолению негативных последствий, снижению напряжения, возникших в ходе влияния неблагоприятных факторов профессиональной среды.

На уровне организации эффективными способами для создания благоприятной организационной среды, а значит, поддержания психологического здоровья руководителей, являются: снижение неопределенности, прояснение (конкретизация) организационных целей и задач; регулярная обратная связь; регламентация деятельности, что снижает вероятность потенциальных ролевых конфликтов; совершенствование структуры каналов внутриорганизационного обмена информацией; формирование справедливой системы вознаграждения, связанной с достижением организационных целей; корпоративное обучение, расширяющее профессионально-деловые возможности персонала и повышающее готовность к изменениям; программы по улучшению социально-психологического климата в

коллективах (тренинги командообразования, оптимизация функционала, создание рабочих групп с учетом психологических особенностей, совместимости сотрудников, программы развития эмоционального интеллекта руководителей, тренинги эффективной коммуникации и др.), управление процессом адаптации новых членов организации, программы развития карьеры и др.[4].

Но каждому руководителю необходимо иметь и индивидуальную программу поддержания психологического здоровья, содержащую разнообразные методы и технологии, как для преодоления самих стрессовых нагрузок, так и предупреждения (профилактики) их вероятных последствий. В подобную программу могут входить: саморегуляция, релаксация, творчество, регулярные физические нагрузки (в т.ч. прогулки), периодическая смена обстановки (новые впечатления), тайм-менеджмент (в т.ч. работа с личными приоритетами, оценка соразмерности усилий значимости цели), самоанализ, проработка проблем (например, письменный анализ произошедших событий); система личных вознаграждений за достижения, развитие положительного мышления (фиксация внимания на положительных сторонах событий), эмоциональное отреагирование (беседы с близкими, с психологом). Важно выделять время для эмоциональной разгрузки и отдыха, что часто отсутствует в плотном графике руководителя.

Библиографический список

1. Методы современной психотерапии. Учебное пособие. Составители Л.М. Кроль, Е.А. Пуртова. – М., 2000. – 480 с. (http://ihtik.lib.ru/dvd_psyh.html).
2. Пахальян, В.Э. Групповой психологический тренинг [Текст]: СПб., Питер, 2006. – 224 с.
3. Архангельский, Л.М. Ценностные ориентации и нравственное развитие личности. – М., 1987. – С. 524.
4. Семенов, Ю. Г. Личностно-деловой потенциал эффективного руководителя в контексте организационной культуры // Человек и труд. 2008. № 5. – С. 48–50.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПСИХОЛОГОВ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЯХ

Рывкин С.Ю.

Волгоградский институт управления – филиал РАНХИГС
воинская часть, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В научной статье рассматриваются процессуальные основы для участия в качестве специалиста на предварительном следствии психологов воинской части, что безусловно способствует полному и всестороннему расследованию преступлений в вооруженных формированиях. Предлагаются инновационные аспекты применения следователем, в том числе военным следователем специальных знаний психолога, с учетом психотравмирующего фактора.

Ключевые слова: криминалистика, психология, боевые и специальные задачи, психотравмирующий фактор, криминалистическая характеристика.

Annotation. The article discusses the procedural basis for participation as a specialist in the preliminary investigation of psychologists of the military unit, which unconditionally contributes to the full and comprehensive investigation of crimes in armed groups. Innovative aspects of application by the investigator, including the military investigator of special knowledge of the psychologist, taking into account the psychotraumatic factor are offered.

Key words: criminology, psychology, combat and special tasks, psycho-traumatic factor, forensic characteristics.

В научных исследованиях, в зависимости от поставленных целей, выделяют фундаментальные и прикладные научные направления, для решения прикладных задач: в результате проведенных исследований совершенствуются старые и создаются новые инновационные технологии, позволяющие решать конкретные

практические задачи, включая те, которые стоят перед сотрудниками правоохранительных органов. Сказанное в полной мере относится к таким наукам, как криминалистика и судебная экспертиза, развитие которых сопровождается инновационными подходами, процессами и технологиями, предполагающие внедрение каких-либо новаций, совершенствование имеющихся и разработку новых технологий, позволяющих обеспечить качественный рост эффективности к решению конкретных задач раскрытия и расследования преступлений, в частности для получения информации о некоторых диагностических свойствах и признаках человека на основе интеграции данных естественных наук. Наиболее стремительно развивающейся наукой, использующей инновационные технологии является психология, данные которой все более широко используются органами военного управления и военной юстиции при предупреждении и расследовании преступлений в вооруженных формированиях.

Авторы солидарны с мнением кандидата психологических наук Ю.С. Думиникэ о том, что создание и поддержание в воинском коллективе благоприятного морально-психологического климата является одной из основных задач в ходе организации морально-психологического обеспечения повседневной деятельности войск, который рассматривается как система отношений в коллективе, сложившихся на эмоционально-духовной основе. В свою очередь, в эмоционально-духовной основе можно выделить соответственно духовно-нравственный и социально-психологические аспекты [1].

Преступления, совершаемые военнослужащими, являются составными элементами преступности, особой категорией граждан, проходящими военную службу по призыву или по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и иных органах России, а также гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов.

По данным заместителя председателя СК РФ - руководителя Главного воен-

ного следственного управления генерал-полковника юстиции Александра Сорочкина среди преступлений военнослужащих "лидируют" преступления против собственности, военной службы, интересов службы [2].

С учетом многолетнего опыта службы в органах прокуратуры, следственного комитета, а также соответственно на должности военного психолога авторы отмечают определенные особенности использования специальных знаний психологов при проведения процессуальных и следственных действий о преступлениях, совершенных при выполнении специальных задач, в том числе боевых действиях.

В настоящее время в условиях повышения конфликтности на международной арене, приближения зоны боевых действий к границам РФ, изменения тактики ведения современных войн значение психологической подготовки, сопровождения и реабилитации российских военнослужащих становится одной из важнейших задач психологической службы ВС РФ.

Интересным для практического использования отмечаются выводы кандидата психологических наук Митасовой Е.В. о специфике практической деятельности военных психологов ВС и эффективности в разрешении проблем по созданию морально-психологического климата и предотвращению преступного девиантного поведения, а именно:

- работа с военнослужащими на динамическом наблюдении;
- взаимоотношение в коллективе;
- работа с жалобщиками и уклоняющимися от военной службы;
- профилактика и работа со случаями неуставных взаимоотношений;
- межнациональные конфликты;
- проблемы с морально-психологическим состоянием военнослужащих;
- работа с военнослужащими, получившими психотравмы;
- работа с военнослужащими, находящимися на избыточно напряженной службе;
- проведение реабилитации [3].

Процессуальные и следственные действия основной целью ставят сбор, оценку и проверку процессуальных доказательств по уголовному делу. Признание доказательств на предварительном следствии и в судебном заседании с учетом положений статьи 75 Уголовного процессуального кодекса не имеющими юридической силы, и как следствие не могущие быть положены в основу обвинения, дают основания органам военной юстиции, в том числе следователям, для эффективного использования процессуального потенциала и тщательного планирования с использованием специалистов процессуальных действий.

Исследованием авторы выявили недостаточность доктринальной разработки вопросов проведения следственных действий в вооруженных формированиях с учетом психотравмирующих факторов.

Учеными Караяни А.Г., Евенко С.Л., а также практиками – военными психологами сформулированы некоторые наработки по проведению мероприятий психологической помощи и реабилитации военнослужащих, выполнявших специальные задачи. Отмечается, что основными психотравмирующими факторами, оказывающими влияние на военнослужащих в ходе выполнения специальных задач, являются:

- Внутренние:

- 1) Физиологические: депривация (недостаток) сна; особые гигиенические условия, мышечное переутомление, сексуальная фрустрация и т.д.

- 2) Психические: неуверенность, непредсказуемость боевых действий; хаотический избыток или дефицит информации; дефицит времени или ожидание; отсутствие выбора; угроза гибели, ранения, попадания в плен; утрата товарищей; уничтожение (убийство) противника; вид мертвых тел; чувства фрустрации и вины; тоска по дому; враждебность со стороны местного населения.

- Внешние:

- 1) Климатические: жара, ветер, холод, высокая влажность.

- 2) Природно-географические: горный климат, рельеф местности; высокая солнечная активность.

- 3) Условия боевых действий: грязь; неприятные запахи (дымы, химические

вещества) и пыль; плохая видимость (яркий свет, темнота, дымка), шум, вибрация, взрывы.

Психотравмирующие факторы различаются по силе своего воздействия:

1. Шоковые – могут воздействовать моментально.
2. Стрессовые – воздействуют через достаточно длинный отрезок времени на фоне истощения сил [4; 5].

Нам представляется возможным внести инновационное предложение о рассмотрении в качестве самостоятельного элемента криминалистической характеристики преступлений в вооруженных формированиях психотравмирующий фактор. Рассматривая действующую парадигму привлечения специалистов к участию в расследовании, с учетом полномочий, предусмотренных статьей 168 УПК РФ нам видится использовать следующие формы:

1. Заключение психолога, которое при определенных условиях имеет статус самостоятельного доказательства.

2. Консультация психолога воинской части, при подготовке материалов для назначения и проведения криминалистических, в том числе психолого-психиатрических экспертиз.

3. Участие психолога непосредственно при проведении следственных действий: допроса, очной ставки, проверки показаний на месте, предъявления для опознания, следственного эксперимента.

4. Психологическое тестирование, или экспресс диагностику лжи- привлечение специалистов психолога с целью диагностирования признаков лжи (обмана) у лица. Также применение методики профлайнинга и видеоконьютерной психодиагностики и коррекции (ВКП), разработанной А.Н. Ануашвили.

Библиографический список

1. Думиникэ, Ю.С., Иванцов, А.А., Шепелин, А.Н. Формирование благоприятного морально-психологического климата в воинских коллективах через профилактику и преодоление карьерных кризисов офицеров // Военная мысль. – 2016. – № 9. – С. 43.
2. Сорочкин, А.С. Интервью журналу «Вестник военного права» [Электронный ресурс]/сайт.–URL:<http://sledcom.ru/press/interview/item/1178352/>(дата обращения 20.04.2019).

3. Митасова, Е.В. Проблемы образовательного процесса курсов повышения квалификации специалистов психологической работы силовых структур // Военная мысль. – 2016. – № 9. – С. 52.

4. Караяни А.Г., Евенко С.Л. Психология отклонений поведения военнослужащих в боевой обстановки. – М., 2006. – С. 27.

5. Жаров В.Л., Волошина Л.В. Алгоритм организации мероприятий психологической помощи и реабилитации военнослужащих, выполнявших специальные задачи // Методические рекомендации отдела воспитательной работы ЮВО. Ростов-на-Дону, 2018. – С. 5.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РАССТРОЙСТВ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Савва Н.В.

ЗАО МНПО клиника «Движение»
г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются расстройства пищевого поведения, такие как анорексия, булимия, компульсивное переедание и орторексия. Выявлены особенности расстройств пищевого поведения, причины и личностные особенности этих больных. Представлен психоаналитический взгляд на формирование таких расстройств.

Ключевые слова: расстройства пищевого поведения, анорексия, булимия, компульсивное переедание, орторексия.

Abstract. The article discusses eating disorders, such as anorexia, bulimia, compulsive overeating, and orthorexia. Identified features of eating disorders, causes and personality features of these patients. A psychoanalytic view on the formation of such disorders is presented.

Key words: eating disorders, anorexia, bulimia, compulsive overeating, orthorexia.

В последние годы актуальность проблемы нарушений пищевого поведения значительно возросла во всем мире, в том числе и в России, в связи с увеличением людей с избыточной массой тела, а также с прогрессирующим культом худобы. Причем противоречивая тенденция: культ еды, переедание с одной стороны и пищевой аскетизм, диетомания, идеализированные формы худого тела с другой, гипертрофированное внимание к своей внешности, и в то же время принятие своего тела в любом виде - все это можно считать девиантными формами пищевого поведения как деформированная психоэмоциональная адаптация к условиям современного мира.

Проблема нарушений пищевого поведения длительное время была сугубо

медицинской, но совсем недавно перекочевала в пласт психологических нарушений и психосоматических расстройств. Среди исследователей данной проблемы можно выделить таких ученых, как Э.А. Бухарова, А.В. Вахмистров, М.М. Гинзбург, Е.С. Малкина - Пых, В.Д. Менделевич, А.В. Ротов, М.А. Цивилько и др. Пищевое поведение авторы определяют как ценностное отношение к пище и ее приему, стереотип питания в стандартных ситуациях и в условиях стрессовой ситуации, действия в отношении восприятия и формирования собственного тела, установки, привычки, эмоции, связанные с едой, носящие индивидуальный характер для каждого человека. Кроме того, пищевое поведение может быть названо гармоничным или адекватным и девиантным или отклоняющимся. Соответственно к нарушениям или расстройствам пищевого поведения относят широкий спектр действий, начиная с ограничительного пищевого поведения и заканчивая перееданием. Таким образом, к нарушениям пищевого поведения можно отнести анорексию, нервную булимию, компульсивное переедание, психогенная потеря аппетита, поедание несъедобного, психогенная рвота и другие расстройства.

Среди причин расстройств пищевого поведения можно выделить физиологические, психологические и социальные.

Физиологические причины непосредственно связаны с неправильным питанием, нарушением обмена веществ, чрезмерной физической нагрузкой, истощением организма, а также, могут обнаруживаться вследствие тех или иных заболеваний: сахарный диабет, синдром Иценко-Кушинга, гиподинамия и пр.

Психологические причины связаны прежде всего с особенностями взаимоотношений человека с другими людьми и с собой, его типом эмоционального реагирования на сложные жизненные ситуации. Нарушенными актуальными отношениями можно считать отношения, в которых человек длительное время пребывает в негативном психоэмоциональном состоянии, накапливая психологическое напряжение в связи с невыраженными эмоциями и неудовлетворенными по-

требностями. Еда в данном случае становится средством компенсации психологического неблагополучия. Кроме того, нарушения взаимоотношений с едой могут быть как реакция на сложные отношения в детском возрасте, когда ребенок получил недостаточно заботы и любви со стороны родителей, либо родители использовали противоречивый стиль воспитания, давая одновременно эмоциональную поддержку и разрушая самооценку и уверенность в себе. Нарушенное пищевое поведение встречается и при пережитом эмоциональном или физическом насилии в детстве, еда в данном случае выполняет функцию защиты и дает чувство безопасности. Считается, что посредством еды человек не только утоляет голод, но и использует еду с непищевой целью, когда еда становится способом реализации различного рода потребностей. Среди таких потребностей можно выделить потребность в любви и принятии, в саморазвитии, безопасности, отдыхе и пр. Кроме того, еда служит способом снятия психоэмоционального и физического напряжения. Помимо этого, есть исследования, которые рассматривают пищевые нарушения как форму невротических и депрессивных расстройств, как способ справляться с тревогой.

Говоря о группе социальных причин, можно рассматривать еду как социальный атрибут. «Синдром дефицита удовольствия» как термин встречается в литературе в применении к людям, использующих еду с целью развлечения, как способ справляться со скукой, эмоциональной пустотой, неумением наполнять жизнь интересными и позитивными переживаниями. Так, не получая в достаточной мере эмоциональных стимулов и эмоционального насыщения, человек компенсирует это насыщением пищевым. Кроме того, к социальным причинам можно отнести неправильные пищевые привычки, а также ситуации, которые способствуют перееданию в праздники, при традиционных застольях или в случаях, когда еда является дополнением ко времяпрепровождению. Помимо этого, внешнее агрессивное навязывание еды в рекламе или в других источниках также может способствовать использованию еды с непищевой целью.

Пациенты, склонные к формированию нарушений пищевого поведения, обладают рядом сходных черт, которые характеризуют личность определенного типа. Таким людям свойственна неадекватность или неустойчивость самооценки, склонность к перфекционизму, зависимость от одобрения окружающих, сложность в адаптации к трудным жизненным ситуациям, комплекс неполноценности и стремление компенсировать его внешней демонстрацией превосходства, склонность к поверхностным социальным контактам, сочетающаяся со страхом к глубоким эмоциональным связям, внешнеобвинительная позиция, избегание ответственности, повторяемость, стереотипность поведения, категоричность в мышлении, стремление игнорировать свои чувства (алексетимия), привычка блокировать гнев, а также сложность в ощущении и определении собственных психологических границ и границ других людей.

Говоря о нарушениях пищевого поведения, следует отметить, что они носят хронический, прогрессирующий и рецидивирующий характер. Для людей с подобными нарушениями свойственна анозогнозия, а также стремление скрывать истинную глубину данного расстройства.

Рассматривая нарушения пищевого поведения в психоаналитической парадигме, очевидно, что корни проблем в отношениях с пищей лежат очень глубоко и берут свое начало в оральной стадии. Как отмечает французский психоаналитик Алан Эриль, в этот период ребенок находится в состоянии полного слияния с миром и познает его исключительно через акт поглощения. Он подчеркивает, что дети таким образом совершают свои открытия.

Итальянский психоаналитик Шандор Ференци связывал поглощение пищи со способностью получать удовольствие, которое впоследствии смещается на удовольствие говорить, то есть влиять на мир словами. Например, при анорексии пациентам сложно помещать что-то внутрь, и также сложно выпускать что-то наружу, однако это компенсируется тем, что они необыкновенно много пишут – в блоги, в группы в соцсети, в дневники. Алан Эриль это объясняет тем, что то, что не выходит наружу, заменяется письмом. Считается, что анорексия – это не

отказ от еды, а другой вид голода. Пациент с данным расстройством питает себя отсутствием матери и смакует это отсутствие. Жак Лакан говорил, «анорексичка ест ничто», и это «ничто» обладает неким субъективным смыслом, который аналитику необходимо выявить в терапевтическом процессе.

Кроме того, психоаналитиками отмечается, что анорексия - это специфическая форма протеста, при котором пациент не только отвергает отсутствующую мать, но и избегает вождедеющего взгляда отца. Есть версии, что многие пациентки подвергались сексуальному насилию в раннем детстве. Избыточный контроль анорексичного пациента – это потребность стать самому для себя родителем, строго следящим за своими чувствами, жизнью, весом. Как только достигается победа над голодом, возникает чувство всемогущества, которое подкрепляется победой над биологией пола (у девочек – анорексичек наступает аменорея и нивелируются вторичные половые признаки), также победой над влечением (исчезает сексуальное желание), и кроме того победой над смертью (поддерживая жизнь, такой пациент наслаждается созерцанием смерти). Кроме этого, анорексия в переходном возрасте говорит о нежелании взрослеть, брать на себя ответственность.

Булимия – это тоже реакция на отсутствующую мать, но носящая другой характер. Исследователи считают, что поглощая огромные количества еды, пациент символически поглощает свою мать и тут же исторгает ее из себя, поскольку она не была достаточно хорошей. Это порождает чувство вины и желание спрятаться. Символически тело такого пациента как бы начинается и заканчивается во рту. Вытеснение собственных гениталий, а также страх перед собственной сексуальностью также лежит в основе данного нарушения. Сам булимический криз напоминает сексуальный акт, когда внутренняя тревога и напряжение перерастают в напряжение, которое перетекает в быстрое поглощение огромного количества пищи, затем это заканчивается рвотой, которая и является аналогом оргазма. С точки зрения А. Эриля, пациент таким образом создает кон-

такт. Если анорексичного пациента можно считать самодостаточным, булимический пациент жаждет любви, но боится быть покинутым, поэтому держится на расстоянии. В основе психоаналитической помощи таким пациентам лежит необходимость помочь им в обретении ими целостности и осознанию ценности контакта с другими людьми.

Говоря о компульсивном переедании, как о расстройстве пищевого поведения, следует отметить, что оно неизбежно приводит человека к ожирению или избыточному весу. Сложность в снижении веса и сохранении полученного результата состоит в том, что у пациента есть ряд вторичных выгод. Среди подобных выгод можно отметить такие как:

- потребность скрыть свою сексуальную привлекательность, поскольку мужское внимание воспринимается как опасность, нечто грязное, запретное;

- способ установления своих личностных границ при помощи тела, что позволяет пациенту оберегать себя от близкого эмоционального контакта;

- потребность в защите при помощи лишней жировой ткани на теле, поскольку внешний мир кажется такому пациенту весьма враждебным;

- повышение своей значимости в глазах окружающих через увеличение собственного тела (придание себе «весомости» осуществляется через увеличение реального собственного веса тела, что может закрепляться еще в детском возрасте, когда истинное «Я» игнорировалось родителями, и ребенок искал косвенные способы привлечь к себе внимание);

- потребность заполнить внутреннюю пустоту, которая могла образоваться в результате потери значимого объекта, или возможно, чего - то очень значимого (например, социального статуса, утраты работы и пр.). Здесь мы указали лишь часть вариантов вторичной выгоды. Реально их много больше и, зачастую, они носят индивидуальный характер.

Все перечисленные выгоды имеют общую тенденцию – уход от внешнего мира в иллюзорный, поскольку внешний мир воспринимается как ненадежный и враждебный. Здесь речь идет о ранней, младенческой травматизации, которая и

формирует у ребенка базовое недоверие к миру.

Исследователи связывают подобный уход от внешнего мира с нарушенным эмоциональным контактом с матерью на оральной стадии. В частности, Мелани Кляйн рассматривала отношения младенца с миром как аналог отношений с материнской, кормящей грудью: «Внешние обстоятельства играют важную роль в первоначальном отношении к груди. Если рождение было трудным и, особенно, если возникали такие осложнения как недостаток кислорода, то происходит нарушение адаптации к внешнему миру, и отношения с грудью начинаются очень неблагоприятно. В таких случаях нарушается способность ребенка переживать новые источники удовлетворения, и вследствие этого он не способен в достаточной мере интернализировать действительно хороший первичный объект. При дальнейшем развитии важно, доставляет ли матери удовольствие уход за ребенком или она тревожна и переживает психологические проблемы в связи с кормлением – все эти факторы влияют на способность ребенка принимать молоко с удовольствием и интернализировывать хорошую грудь».

Таким образом, младенец, находясь в уютном и комфортном мирке – в утробе матери, чувствует себя очень защищенным. Воспоминания об этом на бессознательном уровне влекут его туда. Лишний вес в данном случае дает пациенту такого рода защиту. Автор отмечает: «... мы можем считать широко распространенную ностальгию по пренатальному состоянию проявлением потребности в идеализации. Если мы исследуем эту ностальгию с точки зрения идеализации, то поймем, что одним из ее источников является сильная персекуторная тревога, вызванная рождением».

Предполагается, что травматичные роды, особенно если они усугубились неудовлетворительным контактом с матерью в первые месяцы жизни, вызывают у младенца потребность вернуться во внутриутробное состояние. Когда во взрослом состоянии у человека актуализируются параноидные младенческие тревоги, возникают фантазии о возвращении в утробу матери, что может символически

отразиться в форме избыточного веса, как некоего кокона из жировых отложений, отделяющих и защищающих от внешнего мира, как околоплодные воды.

Одна из стратегий психотерапевта при работе с такими пациентами - мотивировать пациента снова родиться, довериться миру, себе, стать готовым к сложностям и трудностям реальной жизни.

Одним из недавно описанных нарушений, которому следует уделить внимание, является орторексия. Данный термин ввел в науку в 1997 году Стивен Братман обозначающий современное расстройство пищевого поведения, где навязчивое стремление к контролю всех поглощаемых продуктов осуществляется с целью улучшения своего здоровья. Однако, несмотря на первоначальную мотивацию сохранения и улучшения здоровья, такие пациенты, как правило быстро переходят грань нормы и приобретают нездоровую психическую фиксацию на еде. При подобном расстройстве пищевого поведения мир и вся жизнь орторекса начинает вращаться вокруг пищи. Все свободное время уходит на поиск все более здоровых и натуральных продуктов, способов из приготовления, заменой одних ингредиентов в блюде на другие. Становится очень серьезной проблемой посещение гостей, ресторанов поездок и путешествий, поскольку там контролировать процесс приготовления пищи и состав еды не представляется возможным. Это значительно обедняет качество жизни орторекса. Причем, следует отметить, что зачастую ориентация при выборе еды основывается не на научном подходе, а на не всегда достоверной информации, подчерпнутой из СМИ и других источников, публикующих порой сомнительные данные. Это может приводить к серьезным негативным последствиям для здоровья.

Исследователи психоаналитического направления считают, что проблемы употребления пищи не связаны непосредственно с самой едой, а имеют более глубокие психологические корни. Тщательный подход к отбору еды обосновывает личную ценность самого орторекса и служит мерилom ценности других людей. Завышенные требования к составу продуктов, как правило, влекут за собой

высокие требования к окружающим, соответственно очень небольшое количество людей могут оказаться “достойными”, “отобранными”. Таким образом, орторекс добровольно создает себе кокон самоизоляции, в котором прячется от опасного мира с вредной едой, которая опасна для здоровья и недостойных людей, которые могут причинить душевную боль. В исследованиях отмечается, что, как и у пациента с анорексией, так и при орторексии, отсутствует признание самим пациентом данной проблемы. Таким образом, как и при любом расстройстве, включающем анозогнозию, борьба с идеями относительно правильного питания не имеет смысла. Так как подобное поведение – есть форма самовыражения, как способ заявить всему миру о своем внутреннем ребенке, жаждущем внимания, стремление доказать свою независимость, то необходимо проявить понимание и сочувствие такому внутреннему выбору пациента, подвергающему риску собственное здоровье и жизнь. Более того, стремление повлиять на подобный жизненный выбор и идеи, представляющие для пациента ценность, будет восприниматься как акт враждебности и насилия. То есть первый успешный шаг к решению проблемы орторексии – ее признание. Как и в лечении других пищевых расстройств, основной упор следует делать на том, чтобы вырабатывать у пациента понимание, что сама еда не способна повысить самооценку пациента и сделать его лучше. Задача пациента не просто быть “человеком, который правильно питается”, а стать человеком, который полноценно живет, работает и радуется жизни.

Таким образом, очевидно, что нарушения пищевого поведения – это комплексная проблема, которая сочетает в себе ряд факторов, как психологического, так и физиологического плана. Несмотря на повышенный научный и практический интерес к данному вопросу, остается очень много неясностей и пробелов в ее изучении. Нет четких и ясных критериев того, какие причины являются основополагающими, катализирующими подобные поведенческие девиации. Основной упор следует делать на профилактику подобных отклонений, а также на выявление и устранение психологических факторов в ее возникновении.

Библиографический список

1. Лакан, Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). – М.: Издательство «Гнозис», 1999.
2. Мелани, Кляйн. Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников. Санкт-Петербург, 1997.
3. Ференци, Ш. Тело и подсознание. Снятие запретов с сексуальности. Nota Bene, 2003.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ТРАВМЫ

Толкачева О.Н.

кандидат психологических наук
г. Саратов, Россия

Аннотация. В статье описываются научные подходы к исследованию социальных контекстов травматического опыта.

Ключевые слова: травма, посттравматический рост, интерсубъективность, репрезентации, социальные убеждения.

Abstract. The scientific approaches to researching social contexts of traumatic experience are described in the article.

Key words: Trauma, Posttraumatic Growth, Intersubjectivity, Representations, Social Beliefs.

Цель данной статьи – осветить актуальную для науки тенденцию к расширению понимания феномена индивидуальной психической травмы за счёт изучения социальных контекстов травмы, а также перечислить основные научные подходы, реализующие эту тенденцию.

Межличностное взаимодействие как одно из социальных измерений индивидуальной травмы изучается в интерсубъективном подходе, опирающемся на психоаналитические идеи и концепции [3]. Психоаналитическая теория описывает травму как нарушение психических функций и структур «не связанным» и не интегрированным в психический аппарат возбуждением, вызванным внешним, исходящим из физической или социальной среды, или внутренним, исходящим из соматической или психической среды, стимулом [5]. Достаточно важным здесь является положение о том, что травматическое воздействие не определяется исключительно внешними силами, но может также обуславливаться характером функционирования самого психического аппарата. Работа психического

аппарата по «связыванию», организации и интеграции возбуждений в психические структуры в психоанализе описывается как ментализация – процесс перевода соматических и психических возбуждений в ментальные репрезентации, а также последующую организацию и символизацию этих репрезентаций и ассоциирующихся с ними аффектов в психические структуры и символические системы.

Характер и качество ментализации определяет характер и качество организации человеком собственного опыта и способность справляться с напряжениями, поступающими как из внешнего, так и из внутреннего мира. Напротив, торможения или нарушения функций ментализации не обеспечивают связывание возбуждений с репрезентациями и их организацию в структуры, что приводит к рассогласованной работе психической и соматической систем, следствием чего могут быть различные психические и соматические расстройства [2]. Так, посттравматические симптомы навязчивого повторения представляются попытками ретроспективной ментализации болезненно напряжённого переживания, а симптомы посттравматической диссоциации могут быть описаны как не ментализированные и/или не интегрированные в структуры психического аппарата переживания.

В свою очередь характер и качество ментализации определяется характером и качеством ментализации ранних объектов привязанности, которые воспринимают и означивают переживания ребёнка. Когда отклик объектов привязанности достаточно хорошо описывает и связывает переживания ребёнка, он будет интернализировать ментальные функции ранних объектов с характерными для них особенностями организации психического опыта. Если в психике ранних объектов привязанности присутствуют не ментализированные и не интегрированные переживания, то ребёнок будет их интернализировать вместе с другими психическими функциями и репрезентациями объектов привязанности. В этом случае психические структуры и функции ребёнка будут формироваться в том числе и вокруг интернализированной травмы, которая будет участвовать в организации

его психического опыта несмотря на то, что самого травмирующего события не было в его индивидуальном опыте. Попытки психического аппарата справиться с такого рода травмой будут осуществляться посредством объективации и разыгрывания травмы в реальности, что позволит получить доступ к ментализации травмы как актуального для индивида события.

Здесь мы обнаруживаем историческое измерение индивидуальной травмы, проявляющееся также в феномене ретроактивных переживаний, когда более поздние события определяют характер переживания предшествующих событий. Память – это не статическая, а динамическая, всё время обновляющаяся система, не произведшие в прошлом травмирующего эффекта события в свете новых обстоятельств могут переживаться как травма. Например, когда человек узнает, что некое событие из его жизни, которое он воспринимал и ощущал как обыденное, значимым объектом (например, психотерапевтом) или в некоей значимой социальной группе, чьи ценности, нормы и представления он стремится интернализировать (например, профессиональное сообщество), описывается как деструктивное, патологическое и травмирующее.

Для ретроактивного переживания травмы существенное значение имеет не только характер межличностных отношений – то, как другие люди воспринимают и интерпретируют события жизни человека, но и культурный контекст, содержащий характерные для данного социума в данный исторический период социальные представления и способы наррации. *Конструктивистский и нарративный подходы*, полагая, что никакие события не являются травмирующими сами по себе, по присущей им природе, изучают социальные представления и повествовательные процессы в социуме, посредством которых определённые типы событий и их последствия определяются как травмирующие и соответствующим образом переживаются [1].

В психоаналитической теории, когда речь идёт об интеграции ментальных репрезентаций какого-то события и ассоциированных с ними аффектов в струк-

туры психического аппарата, подразумевается, что эти ментальные объекты занимают место в психической экономике индивида, регулируемой принципами удовольствия/неудовольствия, характерными для обыденного, повседневного режима бытия. Травма (как и наслаждение) не вписывается в организованную и регламентированную экономику обыденности. Травматическое событие разрывает ткань повседневности, деконструирует мир очевидных смыслов. В *социально-когнитивном подходе* были выделены важнейшие для психологического благополучия убеждения о собственной ценности, справедливости и доброжелательности окружающего мира, которые в первую очередь подвергаются пересмотру в контексте травматического опыта [6]. Субъект травматического опыта больше не живёт в доброжелательном и справедливом мире, где жизнь каждого человека обладает безусловной ценностью. И в этом смысле он больше не живёт в мире других людей, он чувствует свою отчуждённость от них, более того, он чувствует, что представляет угрозу для их благополучия. В этом заключается основная проблема получения эмпатического отклика и поддержки в ситуации травмы. Наше исследование опыта людей с травмой позвоночника показало, что ни сама травма, ни факт телесных изменений, ни психологические трудности, инициированные травмой, не связаны с настолько болезненными переживаниями, как столкновение пострадавших с тревогой других людей при взаимодействии с ними и стигматизирующими социальными представлениями, которые и производят травмирующее воздействие [4].

Если у ребёнка для организации психического опыта есть только доступ к психике ранних объектов привязанности, то по мере взросления и развития человек получает доступ к опыту других людей, будь то социальные связи (друзья, одноклассники, коллеги, психотерапевты) или продукты культуры (сказки, мифы, творчество, наука). Исследования посттравматического роста личности показывают, что тяжёлые переживания могут подвигнуть человека к обращению к опыту других людей в поисках способов освоения травматического опыта, радикально отличающегося от всего, что он сам и его привычное окружение знали

до этого [7]. Эти поиски могут способствовать осмыслению и интеграции не только актуальной травмирующей ситуации, но и дефицитов и травм предыдущих, в том числе очень ранних периодов жизни. О том, что травматический опыт освоен и интегрирован в личную историю, свидетельствует его вхождение в режим повседневности, когда травматический опыт изживает свой статус травмы и приобретает статус обыденности.

Библиографический список

1. Александер, Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012, № 3, с. 5-40.
2. Кристал, Г. Интеграция и самоисцеление. Аффект, травма и алекситимия. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. – 800 с.
3. Столору, Р.Д. Травма и человеческое существование. Автобиографические, психоаналитические и философские размышления. Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2016. – 120 с.
4. Толкачева, О.Н. Социально-психологические факторы посттравматического роста личности: дисс. ... канд. психол. наук: Саратов, 2018. – 244 с.
5. Фрейд, З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Психология бессознательного / пер. с нем. М.: ООО «Фирма СТД», 2006, с. 227–289.
6. Janoff-Bulman, R. Shattered assumptions: Toward a new psychology of trauma. New York: Free Press, 1992, 256 p.
7. Tedeschi, R.G., Calhoun, L.G. Posttraumatic Growth: Conceptual Foundations and Empirical Evidence//Psychological Inquiry. 2004, Vol. 15, No. 1, pp. 1-18.

ПСИХОТРАВМА: ПОНЯТИЕ И СПОСОБЫ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ

Хрипунова С.В.

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Волгоград, Россия

Аннотация. Переживание беды и горя - это травматический опыт, который люди переживают на протяжении всей своей жизни. Задачей специалистов, работающих с психотравмой, является разработка основных методов и способов организации работы с травмой, основанных на различных подходах к ее изучению.

Ключевые слова: психологическая травма, чрезвычайная ситуация, ресурсы, дебрифинг.

Abstract. Experiencing trouble and grief is a traumatic experience that people experience throughout their lives. The task of specialists working with psychotrauma is to develop basic methods and ways of organizing work with trauma, based on different approaches to its study.

Key word: psychological trauma, emergency situation, resources, the debriefing.

На протяжении всей своей жизни человечеству в целом и отдельным людям в частности приходится сталкиваться с переживанием беды и горя (войны, чрезвычайные ситуации, личные трагедии, потери). Исследования показывают, что люди за свою жизнь получают тот или иной травматический опыт, начиная от развода и расставаний и заканчивая физическим и иным насилием [1]. Термин «травма» происходит от греческого слова «рана» и означает «открытое болевое ощущение». Зигмунд Фрейд в XX веке использовал понятие «травма» для того чтобы показать, как разрушительно могут влиять внешние события жизни на человека и его психологические границы [2]. Другими словами, понятие «травма» можно представить себе как повреждение защитной оболочки человеческой души и появления на этом месте эмоциональных ран. Человек, который пережил психологическую травму, испытывал шок и физические и моральные страдания. Поэтому время на излечение

травмы требуется очень много и иногда человек сам не в состоянии пережить и переработать травму и ему требуется помощь специалистов.

Основной смысл работы специалистов с травмой – это перевод травмы в ресурс [3]. Травма образуется как событие быстро и неожиданно, человеку очень трудно в этот момент времени осознать всю информацию с этим связанную. Первой реакцией на травму у человека является выстраивание защиты, что приводит к невозможности понять и ощутить то, что произошло на самом деле во всех красках. Человек этого сам себе не разрешает. Задача терапии заключается в том, чтобы интегрировать ресурс с травмой. То есть получить некое «третье состояние» и дать возможность человеку собрать больше сил на преодоление травмы. Сам процесс преодоления травмы выглядит следующим образом:

- Совмещение телесного ресурса плюс травма;
- Совмещение образа травмы плюс травма («всплытие» и интеграция ресурса);

До человека необходимо донести информацию о том, что нельзя стремиться к рационализации травмы – это является показателем защиты. Также специалист должен находиться рядом с человеком, и оказывать психологическую поддержку [3].

В психологической науке существуют различные подходы к пониманию травмы, например, такие как: психофизиологический, психодинамический, когнитивный информационный, психосоциальный подходы. Можно выделить некоторые из них:

Психофизиологический подход. Определяет травму как событие, вызвавшую угрозу жизни и целостности человека. Факторы, оказывающие влияние:

- угроза жизни и физической целостности человека;
- угроза для ребенка или близких людей;
- разрушение дома;
- разрушение привычного круга общения;
- вид смерти и ее последствий.

В рассматриваемом подходе реакция на травму обусловлена темпераментом

и нервной системой человека. Мы знаем, что при стрессе возникает оборот норадреналина, сератонина и допамина. При этом получается «эффект эндогенной опиоидии», которая коррелируется с реакцией замирания. Центральное состояние при стрессовой реакции у человека: «не хочу, чтобы было больно», поэтому гипокамп – отдел коры головного мозга, подавляется, что ведет к амнезии, поэтому люди часто не могут вспомнить обстоятельства травмы [4].

Психодинамический подход. Данный подход рассматривает травму как нарушение процесса символизации [5]. Возникает общее расстройство и нарушение психосоматики тела, при этом удар приходится на самое слабое звено в организме (кровообращение, дыхательные системы, ЖКТ, кожа, обмен веществ, мочеполовая система). Также в рамках рассматриваемого подхода можно рассматривать понимание З.Фрейдом невроза как нарциссического конфликта. Проявляется как разрушение стимульного барьера и итогом является смещение либидо на самого субъекта. Таким образом, происходит фиксация на травме, что является попыткой ее контроля со стороны человека. Фрейд предлагал выведение травмы из бессознательного в сознание путем трансформации. Если этого не сделать, то следствием травматизации будет являться:

- регресс на оральную стадию развития (признак травмы);
- смещение либидо с субъекта на «Я» («смотря на тебя, я больше люблю себя»);
- использование примитивных защит;
- идентификация с агрессором;
- фиксация на определенной теме;
- деструктивные изменения «Я-идеальное».

Травма это своего рода якорь, который «держит» повторные не завершенные в детстве конфликты. Человек оказывается в ситуации, когда изменения уже должны произойти, по-старому уже не получается действовать, а действия нужны. Возникает кризис. Кризис – способ компенсации травмы. Если не получается компенсировать, то человек уходит на предыдущий этап развития и этот эпизод становится травматическим (это одно из объяснений посттравматического стрессового расстройства).

Одним из возможных способов и методов работы с травмой, который мы

можем рассмотреть – это дибрифинг. Об этом очень подробно можно прочитать у Решетникова Михаила Михайловича в его работе «Психическая травма» [4]. Дибрифинг в основном используется при работе с пострадавшими и родственниками погибших и пострадавших во время чрезвычайных ситуаций, но как показывает практика – это очень интересный способ работы с людьми, пережившими травматическое событие, поэтому было бы интересно расширить опыт и область применения дибрифинга. Задача дибрифинга, как указывает Решетников М.М. является не столько установление истины, не критический разбор ситуации, не сопоставление различных мнений, а именно обсуждение актуальных (большой частью эмоциональных) проблем и отторжение актуальных переживаний, в какой бы форме оно ни осуществлялось. Этот подход также основывается на известном открытии создателя психоанализа З. Фрейда, о том, что течение этих рассказов, их внутренняя динамика и содержание всегда не случайны и не умышленны, а закономерно детерминированы содержанием бессознательной сферы говорящего. Именно поэтому темы для обсуждения предлагает не ведущий, а члены группы (которые говорят не о том, что было бы интересно узнать «дирижеру»), а о том, что им хотелось бы высказать).

На дибрифинге обсуждается все, что касается проработки проблем, реструктурирования травматического опыта, работы с горем, оплакивания и отреагирования эмоций. Дибрифинг, конечно, не является терапевтическим методом в строгом смысле этого слова, не избавляет от травмы, но смягчает развитие травмы, предупреждает ее развитие, снижает интенсивность симптомов. Дибрифинг проводят через 48 часов после возникновения чрезвычайной ситуации, но не позже, так как события еще очень отчетливы. Для проведения дибрифинга необходимо закрытое, изолированное пространство, где будет работать группа до 15 человек, деятельность которой очень длительная, поэтому группа предупреждается о длительности процесса (4-5 часов). Обязательно должны быть решены вопросы об организации бытовых нужд (еда, вода и т.д.). Ведущие - дибриферы должны уметь работать с горем и травмой, знать основные методы групповой работы, знать культурологические особенности региона, где проходит дибрифинг. Он состоит из 7 последовательно развивающихся фаз:

Фаза 1. Слово ведущего для информирования группы, проговаривания правил, формирование атмосферы безопасности, разрешение эмоционального реагирования, снятие запретов на эмоциональное реагирование.

Фаза 2. Восстановление цепочки происходивших событий. Ведущему необходимо останавливать мысли, чувства, эмоции, которые в данный момент демонстрирует группа. В данной фазе звучат только факты.

Фаза 3. Установление и проговаривание мыслей, помогает установить логику событий.

Фаза 4. Эмоциональное реагирование. Самая длительная по времени фаза проведения дибрифинга.

Фаза 5. Обсуждается симптоматика возможных психофизиологических проявлений.

Фаза 6. Производится резюмирование всего услышанного и обобщение материала, которое было на дибрифинге.

Фаза 7. Адаптация и планирование в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе действий человека после чрезвычайной ситуации.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что дибрифинг и другие способы работы с психотравмой являются на сегодняшний день весьма актуальными и востребованными. Для того, чтобы специалисты могли успешно работать с травмой, необходимо понимать, что она является своего рода основанием для перемен, к которым стремится человек и может стать основанием для его роста как личности. Цель состоит не в том, чтобы «вылечить» пережившего травму, а в том, чтобы поднять и разрешить те экзистенциальные вопросы, которые связаны у человека с травмой.

Библиографический список

1. Стивен Джозеф «Что нас не убивает. Новая психология посттравматического роста» / Стивен Джозеф (пер. с англ. И. Ющенко). – М.: Карьера Плюс, 2015. – 352 с. (1)
2. Калшед, Д. Внутренний мир травмы / Пер. с англ. М.: Академический проект, 2001. 368 с. (2)
3. Решетников, М.М. Психическая травма / М.М. Решетников– СПб.: Восточно-Европейский институт Психоанализа, 2006. – 322 с.
4. Решетников, М.М. Новый психоаналитический метод / М.М. Решетников. – СПб.: Восточно-Европейский институт Психоанализа, 20017 – 312 с.
5. Фрейд, З. Толкование сновидений. Избранные сочинения. Сборник / Зигмунд Фрейд – М.: «Азбука», 2013. – 1056 с.

«РАЗГОВОР С МИРОМ» ЧЕРЕЗ РИСУНКИ НА ТЕЛЕ: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Шабанова М.А.

Психолог-психоаналитик
член РО ЕКПП-Волгоград
г. Волгоград, Россия

Аннотация. Татуировка является одним из способов выражения внутреннего Я. Татуировки часто делают творческие люди-художники, актеры, музыканты. Любое искусство влияет на психическое состояние человека, и живопись на вашем собственном теле, особенно. Татуировка может быть визитной карточкой человека. Это одна сторона умственного аспекта tattooing тела. Определенное изображение фиксируется для человека. Не все знают о трехкратном статусе его тела: как часть Себя, как часть внешнего мира, и как компонент между С собой и миром. Это бессознательное в природе. Только специалист может раскрыть цепочку событий появления изображения на теле.

Ключевые слова: тату, татуировка, статус тела, Я-кожа.

Abstract. Tattooing is one way of expressing the inner Self. Tattoos are often made by creative people-artists, actors, musicians. Any art affects the mental state of a person, and painting on your own body, especially. A tattoo can be a person's calling card. This is one side of the mental aspect of body tattooing. A certain image is fixed for a person. Not everyone is aware of the threefold status of his body: as part of the Self, as part of the external world, and as a component between the Self and the world. It is unconscious in nature. Only a specialist can reveal the chain of events of the appearance of the image on the body.

Key word: Tattoo, body status, I-skin.

В наши дни не только молодые люди, но и взрослые делают татуировки на теле, желая таким образом выделиться из толпы. При этом наносятся не просто картинки, которые понравились. Чаще всего каждая татуировка всегда что-то значит для самого человека, и, делая ее, он показывает свое внутреннее состояние окружающим.

Татуировки являются физической реализацией бессознательной психической деятельности. Если раньше татуировки наносились только в армии, на службе или местах лишения свободы, то нанесение татуировок на различные части тела в современном обществе является довольно модной тенденцией, как среди молодежи, так и среди лиц среднего возраста. Индустрия тату, воспринимаемая обществом в качестве украшения физического тела, стала частью массовой культуры. Молодые люди – студенты, подростки, – наносят рисунки на самые разные части тела. Каждый из них хочет выделиться, показать свою значимость через определенное изображение на своей коже. Даже девушки массово наносят изображения на свою кожу, показывая всем, что это «мое тело, и я могу делать с ним все, что захочу». Татуирование является практикой размещения знакового изображения на части тела, имеющей символическое значение. Во многих крупных городах сегодня работают тату-студии и салоны, открыты учебные курсы и заведения для будущих тату-мастеров. Количество людей, имеющих хотя бы одну татуировку на своем теле, ежегодно увеличивается. Среди психологов и врачей уже появилось такое понятие как тату-зависимость, от которой страдает приличное количество людей по всему миру.

Причины, по которым человек решается сделать татуировку, практически остались теми же, что и в глубокой древности. В наше время она в большинстве случаев является неким украшением, способом самовыражения, а также выражения своего отношения к другим людям. Так же, изображение наносится, чтобы показать принадлежность к какой-нибудь религии или подчеркнуть свое социальное положение.

Случается и такое, что рисунки наносятся на тело для избавления от чувства неполноценности и незащищённости, некоторые индивидуумы пытаются избавиться от комплексов способом нанесения агрессивных тату, например, в виде черепов. При этом наколки могут наноситься и без всяких видимых и понятных причин, впрочем, как и прокалывание пупка, языка, носа, нанесение шрамов и

прочее. Таким образом, есть несколько аспектов нанесения на свое тело символических изображений.

Французский психоаналитик Дидье Анзьё считает, что кожа является психической оболочкой человека и тесно связана с «Я»-функцией. Я-кожа – не только граница, но и контейнер, содержащихся в «Я» переживаний, который выполняет и ряд функций, обеспечивающих этому «Я», целостность. Одна из функций Я-кожи – поддержка психики, то есть это часть матери, в частности – ее руки, которая поддерживает психику в функциональном состоянии во время бодрствования, подобно тому, как мать все время поддерживает тело ребенка в состоянии единства и прочности – сначала во время сидения, потом – стояния и хождения. Опираясь на мать, младенец приобретает внутренний упор на свой позвоночник, как прочную основу, позволяющий ему выпрямиться. «Я» может применять самые архаичные механизмы защит, такие как расщепление и проективная идентификация¹ ... Насколько «сильна» была поддержка матери, настолько прочнее человек определяется в социуме и чувствует его поддержку. Чем прочнее была материнская опора, тем увереннее чувствует себя человек в социуме, и наоборот.

Здесь стоит сказать про боль, которую человек испытывает во время нанесения татуировки. Не зря молодые люди подвергают себя боли, бессознательно погружаясь в детство, отдавая свое тело материнским ласкам, ведь «именно мать лучше и точнее других воспринимает как минимум физические страдания младенца». Мать может не только уложить младенца, вызвать врача, дать таблетки, перевязать ранки, но она также берет его на руки, когда он кричит, плачет, задыхается. Она прижимает его к своему телу, согревает, укачивает, говорит с ним, улыбается ему, убеждает его – иными словами, мама удовлетворяет потребность малыша в привязанности, защите. Она максимизирует поддерживающую и контейнирующую функции кожи с тем, чтобы ребенок повторно интроецировал ее в достаточной степени как поддерживающий объект, восстанавливал свою

¹ Я – кожа. / Д. Анзьё; пер. с фр. под науч. ред. С.Ф. Сироткина, М.Л. Мельниковой. Ижевск: ERGO, 2011.

Я-кожу, усиливал свою защиту от раздражителей, мог бы терпеть возвращающуюся боль на приемлемом уровне и сохранял надежду на возможность выздоровления. «Если мать из-за безразличия, игнорирования или депрессии не общается привычным образом с ребенком, его боль может быть своеобразной игрой ва-банк для привлечения внимания, для того чтобы почувствовать себя окутанным ее заботами, ощутить открытые проявления материнской любви. Включать в себя реальную оболочку страдания есть попытка восстановления контейнирующей функции кожи, не получившей развития от матери или окружения. То, что мы наблюдаем: я страдаю, стало быть, я существую»¹.

Рассмотрим и другой аспект нанесения татуировки.

В «Толковом словаре психиатрических терминов» Блейхера В.М. и Крун И.В. указано, что татуировка (происходит от французского *tatouer*) – «нанесение на кожу различных рисунков и надписей путем внесения в нее нерастворимых красящих веществ. Тату может носить характер дани старым профессиональным традициям, например, у моряков, однако, значительно чаще свидетельствует об уголовном прошлом субъекта. Характер рисунков и надписей иногда может подсказать, где они производились, так как существует специфический стиль татуировки, присущий некоторым пенитенциарным учреждениям. Наличие татуировки является также основанием для предположения о психопатических чертах характера ее носителя»². Признаки насилия, практикуемые над своим телом, доставляют человеку не только определенное удовлетворение, но и ощущение присвоения самого себя. Он может владеть своим телом, лишь маскируя его позицией жертвы, по-видимому, лишенной средств защиты. Пациент с жадностью усваивает эту боль и ее следы, дабы сделать из этого нарциссическую эмблему. Здесь загрузка страдающего тела заключается в нарциссическом либидо. «Разговор с миром», с окружением напрямую у таких людей происходит через рисунки на теле.

¹ Я – кожа. / Д. Анзье; пер. с фр. под науч. ред. С.Ф. Сироткина, М.Л. Мельниковой. Ижевск: ERGO, 2011.

² Блейхер В.М., Крун И.В. Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж: МОДЭК, 1995. 640 с.

Есть книга Данцига Балдаева «Татуировки заключенных», где автор собирал татуировки заключенных с 1948 по 2000 года. Там выделены, например, демонстративно-протестные татуировки: 1) роза, проткнутая мечом, означает «смерть прокурору», несогласие с решением суда, вынесшим приговор. Это татуировка символического характера, не содержит прямой угрозы конкретному лицу. 2) Другая татуировка «руки в разорванных цепях передают крест» – символизирует преемственность воровских традиций, каждое целое звено цепи означает год заключения, пол-звена – соответственно, полгода «на зоне». 3) А вот «парусник» имеет несколько значений: а) спешу туда, где есть свобода без труда; б) вор-гастролер; в) склонен к побегу. 4) «Монах с библией и посохом, выходящий из монастыря» – аллегорический образ заключенного, профессионального карточного игрока (на жаргоне «библия» – это карты), отбывшего полный срок заключения – 5 лет (5 покрашенных куполов храма).

Есть агрессивно-угрожающие татуировки (оружие, хищники, сцены насилия). Типична татуировка, изображающая пирата с ножом в зубах, на клинке ножа – надпись «ИРА». Она распространена среди осужденных за хулиганство и бандитизм. Носитель отождествляет себя с пиратом (корсаром, морским разбойником), являющимся жестоким грабителем, не признающим никаких нравственно-этических норм. Нож – наиболее распространённое холодное оружие, используемое в преступном мире. Надпись «ИРА» – не женское имя, а крипто-грамма «Иду Резать Актив». Подобная надпись является выражением прямой и явной угрозы лицам, сотрудничавшим с администрацией лагеря, или вставшим на путь исправления.

Некоторые татуировки могут быть интерпретированы, как статусно-стратификационные («воровские кресты, звезды, перстни»). Они носят идентификационную функцию, указывая на иерархию в криминальном мире. Например, парное изображение под ключицами оскаленной пасти тигра – судим за хулиганство; пауки на паутине – осужден за употребление или сбыт наркотиков; кошачьи морды – за мошенничество; 6–8-конечные «воровские» звезды – злостный

нарушитель режима или вор в законе. Перстни с разными знаками и геометрическими фигурами соответствуют статьям уголовного кодекса, по которым данный субъект отбывал наказание¹.

В Израиле психиатрами проводилось исследование среди больных с татуировками. За период 1987–2010 годы было изучено 467 пациентов (412 мужчин и 55 женщин), имевших искусственную дерматографию (татуировки) и находившихся под наблюдением психиатра. Так вот из них 72 человека – это больные с антисоциальным расстройством – носили на теле от 5 до 8 татуировок, из которых 44,6 % были интерпретированы как агрессивно-угрожающие.

На долю демонстративно-протестных татуировок пришлось 14,4 %. Это – различные символы свободы – чайка, парусник, бегущий олень, надписи и криптограммы. У 39 больных с истерическим расстройством личности, помимо изображений демонстративно-протестного и агрессивно-угрожающего характера, было значительное число (35,5 %) татуировок деко-ративно-украшающего и памятно-сентиментального характера. В определенной степени этим проявляются такие черты характера, как склонность к драматизации и преувеличенной экспрессии эмоций. Между уровнем эмоциональности и наличием татуировок памятно-сентиментального характера имеется прямая зависимость. При этом следует отметить, что при перечисленных типах расстройств личности большинство татуировок (57,4 %) носят подражательный характер и свидетельствуют о желании походить на того или иного криминального авторитета.

Больные с расстройствами шизофренического спектра характеризуются нарушением содержания и логики мышления, чрезмерной тревожностью, необычными мистическими убеждениями, эксцентричностью поведения. Эти отклонения от нормы находят отражение в форме, размере, месте нанесения и смысловом содержании татуировок. У наблюдавшихся 48 больных, страдавших перечисленными видами психопатологии, сюжет татуировок, как правило, был

¹ Балдаев Д.С. Татуировки заключённых. М.: Лимбус-Пресс, 2001.

разработан самим носителем. В некоторых случаях татуировка служила визуальным отражением бредовых переживаний, не только перенесенных в прошлом, но и актуальных на момент обследования.

Мистические татуировки относятся к достаточно редкой группе накожных изображений. Как правило, они единичны, крупного и гигантского размеров, расположены на участках тела, обычно прикрываемых одеждой. По форме это в большинстве случаев – тематические рисунки, знаки и символы, характеризующиеся детализацией изображения. Большая часть мистических татуировок – цветные и выполнены специалистами профессиональных тату-салонов по указаниям носителя. Один больной изобразил зеленую гигантскую двухголовую черепаху «как новый герб России, олицетворяющий мощь, мир и долголетие». По мнению другого пациента, татуировка «чёрт, совершивший харакири» свидетельствует о том, что он победил «внутреннее зло». По своему смысловому значению мистические татуировки имеют личностно-фантазийный характер, в их изображениях есть нечто загадочное, не-понятное и необъяснимое.

Специфические наркоманические татуировки практически никогда не являются результатом случайного выбора или подражания, а отражают личностную позицию и самоидентификацию с наркоманической субкультурой – это «колдцы», «перстни», шприц, кальян... По утверждению больных, имеющиеся у них такие татуировки служат для них своеобразным пропуском в мир наркоманов, облегчая носителям приобретение и сбыт наркотиков.

Некоторые графические изображения могут скрывать косметические дефекты, связанные с перенесённой операцией и оставившие рубец на коже. Как правило, такие косметические татуировки являются модификациями собственного тела и более характерны для женщин. Они служат не только для сокрытия дефекта, но и, по мнению самих обладательниц тату, придают им дополнительную сексуальную привлекательность.

Татуировки могут также скрывать шрамы от ожогов, следы суицидальных попыток и самоповреждений (как правило, на внутренней и наружной поверхности предплечий или наружной поверхности бёдер). Иногда татуировка призвана «отвлечь внимание» от проявлений кожных заболеваний носителя, таких как нейродермит или псориаз. Так, одна женщина, перенесшая внематочную беременность, изобразила внизу живота проекцию внутренних половых органов с «разорвавшейся» фаллопиевой трубой. Татуировка может «скрывать» реальный или мнимый дефект, связанный с избытком веса или, наоборот, с излишней худобой.

Само по себе «косметическое» нанесение татуировки не является психопатологическим признаком, однако указывает на индивидуальную значимость реального или «воображаемого» дефекта, желание его закамуфлировать или «переключить внимание» на конкретный зрительный образ.

Эротические татуировки – кроме традиционных обнажённых фигур, в эту группу входят надписи и символы, означающие любовь, наиболее известный из которых – сердце, пронзённое стрелой амура. Некоторые татуировки наносят на интимные зоны. Подобные изображения подчёркивают сексуальную агрессию, в частности обладают элементами садо-мазохизма.

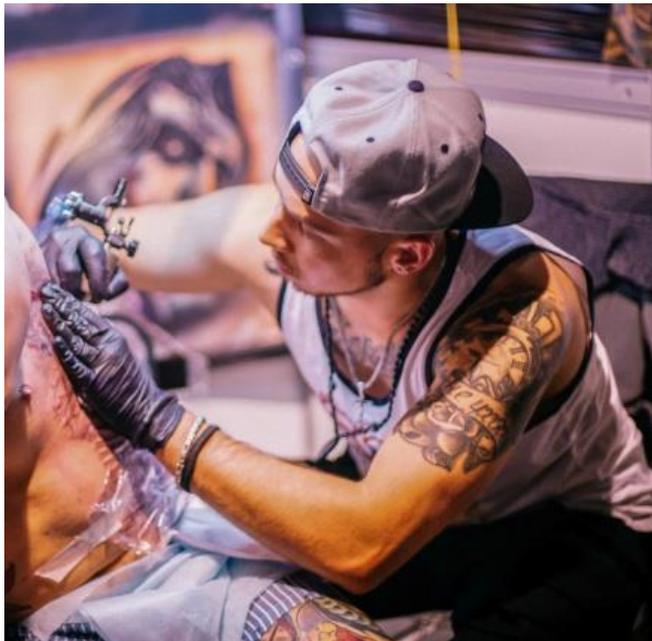
Татуирование является одним из способов выражения внутреннего «Я». Согласно статистике, чаще всего тату на теле делают люди с большими амбициями. Видимо поэтому среди обладателей татуировки можно встретить много творческих людей – певцов, актеров, музыкантов. Любое искусство воздействует на психическое состояние человека, а живопись на собственном теле, особенно. Для того, чтобы перейти определенный «барьер» и набить себе татуировку на теле, украсить себя каким-либо сюжетом, должна быть особая мотивация и в каждом случае она своя.

При этом каждый человек живет в обществе и своим внешним видом оказывает определенное воздействие на окружающих. Это еще одна сторона психического аспекта татуирования тела. Если рисунок на теле сделан сознательно с

полным пониманием сути и назначения, тогда татуировка становится своеобразной визитной карточкой, так или иначе закрепляя за человеком определенный имидж, не позволяя хозяину отказаться от него или забыть преступный опыт. Однако чаще среди молодежи встречаются неосознанные любители нательных изображений. Не каждый человек осознает тройной статус своего тела: как части «Я», как части внешнего мира и как составляющим между «Я» и миром, что носит бессознательный характер, и только профессионалы своего дела могут раскрыть цепочку событий появления данного изображения на теле.

Библиографический список

1. Анзье Д. Я – кожа. /Д. Анзье; пер. с фр. под науч. ред. С.Ф. Сироткина, М.Л. Мельниковой. – Ижевск: ERGO, 2011.
2. Балдаев Д.С. Татуировки заключённых. – М.: Лимбус-Пресс, 2001.
3. Блейхер В.М., Крун И.В. Толковый словарь психиатрических терминов. — Воронеж: МОДЭК, 1995. – 640 с.
4. Борохов А.Д. Значение татуировок в диагностике психических и поведенческих расстройств // Борохов А.Д. <http://raptus.ru/archives/3359>
5. Матиас Хирш «Это мое тело... и я могу делать с ним что хочу». – М.: Когито-Центр, 2018. – 380 с.
6. Мода на татуировки. Проблема тату-зависимости // <https://zen.yandex.ru/media/id/5a302613e86a9e5101d5c5d7/moda-na-tatuirovki-problema-tatuzavisimosti-5a34b7f2c5feaf802d2877cb>
7. Татуировка в современном мире // <https://www.3voznast.ru/article/beauty/inlustria/5390/>
8. Татуировки и психоанализ // <https://tattootoday.org/tattoo-history/articles-about-the-tattoo>
9. Татуировки и психология // <https://mirpsihologii.livejournal.com/20707.html>

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬЕ: ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Козлова Е.В.

муниципальное дошкольное образовательное учреждение
«Детский сад № 155 Центрального района Волгограда», Волгоград, Россия

Аннотация. В статье представлены гипотезы, касающиеся современных характеристик семьи в современном обществе, проблем детско-родительских отношений, отношений семьи с обществом и их влияния на развитие личности ребенка. Автор выделяет две основные трудности современных родителей: в выполнении функции сдерживания (У. Бион) и символаобразующей (символической) кастрации (Ф. Дольто). Рассматриваются причины возникновения таких трудностей, возможные последствия и перспективы. В частности, детский энтузиазм к гаджетам – это как бы возможность для современного мира сдерживать невыносимые чувства.

Ключевые слова: сдерживание, символаобразующая (символическая) кастрация, невыносимые ощущения, проективная идентификация.

Abstract. The article presents the hypotheses regarding the current characteristics of the family in modern society, the problems of parent-child relations, family relations with society and their influence on the development of the child's personality. The author identifies two main difficulties of modern parents: in performing the function of containment (U. Bion) and symbol-forming (symbolic) castration (F. Dolto). The reasons for such difficulties and the possible consequences and prospects are considered. In particular, children's enthusiasm for gadgets is like an opportunity for the modern world to contain intolerable feelings.

Key words: containment, symbol-forming (symbolic) castration, intolerable feelings, projective identification.

Влияние детско-родительских отношений на развитие личности ребенка изучалось и изучается многими учеными и практиками в области психоанализа. Большой вклад в рассмотрение данного вопроса внес еще З. Фрейд, хотя семья и дети не были объектами его исследований. В настоящее время можно выделить

такие подходы как: концепция проективной идентификации М. Кляйн и ее последователей, теория сепарации-индивидуации М. Малер, подход Ф. Дольто и ее последователей, теория объектных отношений Д. В. Винникотта и др.

Анализируя собственный опыт работы (более 11 лет) с детьми и их родителями, можно отметить одну особенность современных родителей, они имеют сложности с выполнением функции контейнирования (У. Бион) и символюобразующей (символогенной) кастрации (Ф. Дольто). По наблюдениям автора, это каждая вторая семья, обратившаяся за психологической помощью.

У. Бион вслед за М. Кляйн подчеркивал значимость проективной идентификации в развитии ребенка. Это поведение ребенка, направленное на то, чтобы вызвать у матери чувства, от которых сам ребенок хотел бы избавиться. Это тот механизм, который ребенок использует, чтобы справиться со своими негативными, непереносимыми переживаниями. Если первичные объекты (обычно мать или человек ее заменяющий) не удовлетворяют потребности младенца, отвергают его, то в нем, по Биону, начинают доминировать бета-элементы злых объектов, от которых ребенок избавляется с помощью моторной активности (разрядка) и проективной идентификации. Так как бета-элементы являются досимволическими, примитивными, они нуждаются в объекте, который мог бы их принять и в измененном, дозированном, символическом виде вернуть ребенку назад. Эту функцию Бион назвал контейнированием, а материнский психический аппарат – контейнером, способность матери принимать, символически прорабатывать и возвращать бета-элементы ребенка – альфа-функцией. Задача альфа-функции - трансформировать бета-элементы в альфа-элементы [1]. Особенно сложно бывает выдержать чувства бессилия и ярости. Иногда можно наблюдать неспособность родителей выдержать даже потребность ребенка в матери или отце [5].

Также для развития ребенка важно, чтобы были установлены пределы допустимого, границы, «Нет» от матери, а потом и отца. Ребенок регулярно пытается «разрушить объект», проверить, выдержит ли он. После это может перейти во внутреннее, символическое разрушение [2]. Самое сложное и важное это то, что

родители не должны «разрушиться», сдаться, в то же время и не должны отвечать тем же, мстить. Д. В. Винникотт говорил об умении матери переносить собственную ненависть к своему ребенку и не демонстрировать ее ему [2].

Французский психоаналитик Ф. Дольто определяла важнейшей частью отношений родителей и ребенка то, когда ребенок признается как субъект желания, его желания уважаются и принимаются (но это не значит, что все воплощаются), когда ему дают ответы на любые вопросы посредством речи. Дольто говорила о такой важной функции родителей в процессе воспитания ребенка, как – символаобразующая (символогенная) кастрация. Это то, когда взрослый дает ребенку знать, что осуществление его желания невозможно в той форме, в которой он хочет. Ограничения должны касаться не желаний вообще, а именно способа их воплощения. Этот запрет сообщается посредством речи. Только так возможен перевод аффектов, желаний, представлений, влечений на символический уровень [3].

Итак, исходя из клинического опыта автора, можно предположить, что существует проблема принятия и выдерживания чувств ребенка со стороны родителей, выдерживания проективной идентификации и сложности в установлении границ, в формировании процесса символизации.

Почему же современные родители испытывают сложности с этим?

Рассмотрим несколько гипотез:

1. Не выдерживают нагрузку. Современный ритм жизни, большая загруженность родителей приводят к тому, что им становится сложно выдерживать желания и негативные чувства ребенка. Не хватает эмоциональной зрелости, происходит «оскуднение» эмоциональных связей современной семьи (Ф. Дольто) [3]. Родители становятся неспособны признать свои негативные чувства и принять чувства ребенка. Будто иногда само присутствие ребенка рядом – невыносимо.

2. В современных семьях – новые способы коммуникации родителей и детей. Они не знают, на что опираться, ведь условия социума другие, и тогда ори-

ентиром в воспитании детей становятся СМИ, в частности интернет ресурсы, социальные сети, чаты. В современном мире можно наблюдать переизбыток информации, М. М. Решетников говорит о кризисе информации и о том, что путем информационного воздействия можно создавать тренды, векторы мирового общества [6], информация по воспитанию детей противоречивая, иногда даже ложная. Образы современной мамы и современного отца, транслируемые через СМИ нереалистичны.

Виртуальное пространство оказывает достаточно сильное влияние на современных родителей. Появляются вторичные объекты идентификации. Я –Идеал современных родителей дополняется образами из интернета и телевидения. Современным родителям будто хочется подтверждения того, что с ними все в порядке, что они действительно хорошие родители, а их ребенок умный, талантливый и красивый.

Недостаток контейнирования негативных чувств ребенка (ярости, ненависти, страха, ужаса и др.) и отсутствие символаобразующей кастрации со стороны родителей приводит к необходимости поиска других путей. Д.В. Винникотт рассматривает постоянный поиск конфронтации с родителями и другими взрослыми как важный и неизбежный момент взросления и если родители не справляются со своими негативными чувствами и чувствами ребенка, то это приводит к возникновению ощущения небезопасности [2]. Можно выделить следующие последствия этого:

а) бесконтрольное (предделинквентное) поведение – поиск контейнирования у других, чтобы кто-то другой смог сказать «Нет», принять негативные чувства, понять причины такого поведения, увидеть ту потребность, которая лежит за этим «плохим» поведением («момент надежды» у Д. В. Винникотта) [2].

б) формирование ложной самости. Когда ребенок боится, что его негативные чувства разрушат родителей или, что родители будут мстить и тогда выбирает иной путь, он их не показывает [5].

в) появление различных невротических и психосоматических симптомов.

г) увлеченность гаджетами (соц.сети, игры, видеоролики, посты, приложения и пр.) [4]. Это возможность современных детей, они вмещают непереносимые чувства в гаджеты и не платят обществу за это. Функцию контейнирования выполняют гаджеты, а не родители.

Таким образом, из-за неспособности родителей принимать, выдерживать чувства детей, научить их выбирать «окультуренную» форму для воплощения своих желаний, современный ребенок часто выбирает самый доступный в настоящее время способ – окунается в виртуальный мир. Это вынужденная необходимость. Чрезмерная увлеченность гаджетами, виртуальным пространством – это сигнал о необходимости применения альфа-функции (У. Бион) по отношению к непереносимым чувствам ребенка.

Также актуален вопрос восприятия материнства и отцовства у современных родителей, чувства неполноценности, вины, невозможности достичь того образа, который транслируется в социуме. Важно – поддерживать родителей и способствовать созданию позитивного образа своего материнства и отцовства.

Библиографический список

1. Бион, У. Р. Внимание и интерпретация. – СПб: Восточно-европейский институт психоанализа, 2010.
2. Винникотт, Д. В. Игра и реальность. – М., Институт Общегуманитарных исследований, 2008.
3. Дольто, Ф. На стороне ребенка. – Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2010.
4. Жукова, Е. А. Одинокий ребенок в мире современных технологий //Актуальные проблемы семейных взаимоотношений в психологии и психоанализе. Книга 5 серии «Эпоха психоанализа». Сборник научных статей по материалам конференции. – СПб.: ВЕИП, 2018.
5. Кейсмент, П. Ненависть и контейнирование // Журнал практической психологии и психоанализа. 2004. № 2.
6. Решетников, М. М. Методологические предпосылки и основания нематериальной теории психики // Методология и история психологии. 2018. Вып. 3.

Научное издание

**ЧЕЛОВЕК В СОЦИУМЕ:
ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Всероссийская научно-практическая конференция

16-17 мая 2019 г.

Электронное издание

Издательство Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО «РАНХиГС»

400078, Волгоград, ул. Герцена, 10.
